АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. С. ЛЬВОВ

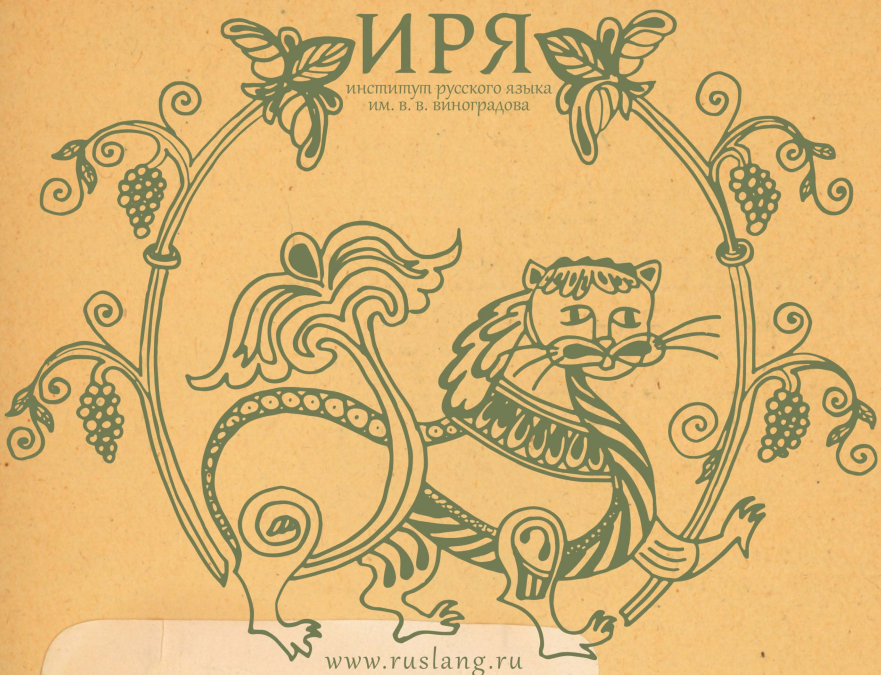
ОЧЕРКИ ПО ЛЕКСИКЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МОСКВА

1962

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. С. ЛЬВОВ

ОЧЕРКИ ПО ЛЕКСИКЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МОСКВА

1962

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
а2970

Работа выполнена
в Институте русского языка
Академии наук СССР

Данная работа посвящена изучению лексических вариантов в памятниках старославянской письменности, передающих одно и то же греческое слово. 2/3 работы опубликовано[1].

Однако после опубликования автор продолжал работать над материалом, относящимся и к тому, что уже напечатано. В процессе дальнейших разысканий вскрылись новые данные, требующие изменения некоторых положений, зафиксированных в опубликованных частях работы. Так, в опубликованных частях нигде не говорится о лексических моравизмах, поскольку эта проблема автору была не вполне ясна. Дальнейшие разыскиния убедили, что в Моравии в процессе новых переводов, а также редакционного пересмотра (правки) раннее выполненных переводов внесены изменения.

Таким образом то, что опубликовано ранее, в данной работе представляет новую редакцию. В связи с этим отдельные очерки, сравнительно с напечатанным, значительно изменились и дополнились, см., например: **БАЛИИ — ВРАЧЬ, БЛЮДО — МИСА, ДРЪКОЛЬ — ЖРЬДЬ, ЖАЛЬ — ГРОБИЩТЕ, КЛАДАЗЬ — СТОУДЕНЬЦЬ** и другие.

Решение проблемы лексических вариантов памятников старославянской письменности очень сложно. Возможно, что отдельные положения автора в связи с этим будут спорны. Автор будет весьма признателен тем, кто своей критикой окажет ему помощь в дальнейшей работе.

* * *

Первый исследователь лексики церковных книг И. Добровский живо интересовался словарными соответствиями старославянских текстов с лексикой живых славянских языков. Порою, не находя параллелей к словам из церковных книг в словарях живых славянских языков, в поисках таких соответствий Добровский вступал в переписку с отдельными лицами. Так, в 1806 г. он обратился к одному харьковскому знакомому с просьбой, чтобы последний разъяснил происхо-

---

[1] См. список в конце автореферата.

ждение слов: кумиръ, конокъ, отокъ, токъ (на гумне), круна или коруна, пожда, класожелица, кружилица, свинецъ, сунъ[1].

Результаты своих исследований лексики церковных книг И. Добровский изложил в весьма объемистом труде Institutiones linguae slavice dialecti veteris[2]. В этом труде вся первая часть (более 200 страниц) отведена словарю, который выбран из рукописей и старопечатных церковных книг. Обширный список непроизводных и производных слов старославянских памятников автор сопровождает соответствиями из живых славянских языков. Правда, ко многим словам эти параллели отсутствуют, вероятно, потому, что они не были найдены Добровским.

В своей работе Добровский мог пользоваться памятниками весьма поздних списков, лексика которых сильно отличается от лексики так называемых классических памятников старославянской письменности. Кроме того, Добровский был ограничен словарными данными живых славянских языков, в частности, он не мог пользоваться в работе даже таким трудом, как „Словарь Академии Российской", с которым он познакомился позже, не говоря уже о том, что в его распоряжении не было данных о лексике болгарского языка ввиду отсутствия в то время каких-нибудь лексикографических трудов по этому языку.

И. Добровского интересовали и лексические варианты изученных им памятников. Так, в Введении к „Грамматике языка славянского по древнему наречию", перечисляя рукописи, которыми он пользовался при составлении своего труда, писал: „Два бумажных кодекса — пражские евангелия, у Грисбаха 4 и 7, списали кратко. В первом, из рода сербских в Королевской публичной библиотеке, находятся слова древнейших кодексов: година вместо ѵѧс, ѥгѣр вм. нѣкыи, книгы вм. писание, опона вм. завѣса, вдѣ вм. вложи, неѵю вм. неѹкѣдѣ, отежѵены вм. отагѵенъ и проч.[3].

Автор не объяснял причины появления подобных лексических вариантов. А. Х. Востоков в своем знаменитом труде „Рассуждение о славянском языке" (1820 г.) одновременно и независимо от Добровского высказал мнение, что переписчики старых рукописей „имели свои причины переменять или, по их мнению, поправлять язык уже мертвый, в книгах только сохранившийся. Одни почитали нужным заменять невразумительные для них слова или окончания употребитель-

[1] См. А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия... ч. I, Варшава, 1912, стр. с XXVI и сл.

[2] Этот труд, вышедший в 1821 г. в Вене, переведен на русский язык и издан под заглавием „Грамматика языка славянского по древнему наречию... СПб., 1833.

[3] Josephi Dobrowsky, Institutiones..., стр. XVII и сл.

ными в их время и на их диалекте, чтобы быть понятными для народа, среди коего писали. Другие самопроизвольными переменами думали придать правильность языку, который в доставшихся им книгах, может быть, действительно был искажен неучеными переписчиками или коего древние, правильные формы могли показаться им ошибками переписчиков, когда они в их время были неупотребительны, и притом еще, когда они не подходили под правила греческой и латинской грамматики" [1].

То, что приписывает А. Востоков писцам, едва ли соответствует действительности. Как известно, писцы, дорожа ценностью переписываемого памятника, старались скопировать его точно и, не будучи уверенными в том, что это удалось им полностью, обычно в послесловиях просили читателей не проклинать их за невольные ошибки, а, исправив их, пользоваться книгой. Ср., например, слова дьякона Григория, переписавшего евангелие для новгородского посадника Остромира: молю же вьсѣхъ коупитажищихъ. не мозѣте кльти.ицъ исправльше. почитанте. Подобных просьб, обращенных к читателям, можно привести много. Тем не менее в приведенных высказываниях А. Востокова много такого, что заслуживает внимания. Дело в том, что рукописи дошедших до сих памятников сильно разнятся друг от друга не только лексическими вариантами, но и в морфологии и синтаксисе.

Выяснение подобных изменений требует сравнительно-исторического изучения памятников старославянской письменности, при котором данные живых славянских языков несомненно должны играть определенную роль. В этом отношении высказывания И. Добровского и А Востокова по этому вопросу несомненно плодотворны.

С самого начала изучения памятников старославянской письменности их лексические данные использовались для доказательства народной основы языка памятников. И. Добровский, как известно, придерживался мнения, что лексика памятников близка и совпадает с лексикой сербского языка [2]. Б. Копитар главным образом на основании латинских и германских слов, таких как: црькъı, олътарь, костъ, попъ, цѣсарь, кънязь и т. п.[3], утверждал, что эта лексика могла войти в язык памятников старославянской письменности там, где славянское население граничило с населением Римской империи и немцами. Такой территорией по его мнению, могла быть только древняя Паннония, населенная в основном предками совре-

[1] А. Востоков. Филологические наблюдения, СПб., 1865, стр. 5.
[2] См. его статью „Über die altslovenische Sprache" в сборнике „Slavin", 1806.
[3] См. Glagolita Clozianus, Windobonae, главы IX и сл.

менных словенцев. Разумеется, наличие подобных слов в самых первых переводах евангелия и псалтыри, как полагают, выполненных где-то на юге на язык солунских славян, едва ли было бы объяснимо. Если же придерживаться в общем правильной мысли А. Х. Востокова, подобные слова возможно признать введенными позже, скажем, на территории Моравии или Паннонии. Однако это предположение требует проверки.

П. Шафарик в работе „О происхождении и родине глаголитизма“ [1] пришел к выводу, что в памятниках, написанных кириллицей, слова, характерные для глаголических памятников, заменены другими. Такие явления наблюдаются, и они свидетельствуют о том, что памятники, написанные кириллицей, относятся к особой редакции. Однако П. Шафарик, непомерно преувеличив это явление, считал, что глаголические памятники написаны на древнесловенском языке, приводя в доказательство список около 100 слов, якобы характерных только для глаголических памятников, которым в кирилловских всегда соответствуют другие слова. По его мнению, например **крижь** характерно только глаголическим памятникам, а **крьстъ** — кирилловским. На самом деле, первое слово появляется только в поздних списках памятников, а в древних списках известно только **крьстъ**. Совершенно ошибочно отнесение только к глаголическим **братръ**, **обрѣшьлъ**, **локва**, **миса**, **цѣста** и т. п.

Расхождение в лексике памятников разных списков, в том числе и глаголических — несомненный факт. Имеются отличия в лексике глаголических и кирилловских памятников, — все это обязывает исследователя доискаться причин, приведших к изменению словарного состава дошедших до нас списков памятников.

В. Ягич, так много сделавший в деле регистрации лексических вариантов, извлеченных из памятников, свое исследование лексики памятников старославянской письменности начал с реализации положений П. Шафарика. Поэтому, например, анализ лексики Асс. ев. он приводил в плане противопоставления лексических особенностей этого памятника Остр., как памятнику, написанному кириллицей [2].

Позже Ягич отказался противоставлять глаголические памятники кирилловским, потому что на основании фактических данных пришел к убеждению, что замена одних слов другими касается и самих глаголических памятников. При этом, исследуя лексические варианты, передающие одно и то же греческое слово, он натолкнулся на явления, заслужи-

[1] См. Чтения в Импер. об-ве истории и древностей российских при Московском университете, М., 1864, кн. 4.

[2] См. Assemanov ili Vatikanski ebangelistar, Zagreb, 1865, стр. LX и сл.

вающие внимания. Приведем несколько цитат из сочинения Ягича, иллюстрирующих высказанное мнение.

„**Въмѣтати** (βάλλω) также **помѣтати** изредка заменяется **къдагати** или **полагати**, напр., Мф. VII, 6, **помѣтаите** в Мар., Зогр., Асс.; **полагаите** в Сав., там же XXVII, 6; Мрк. VII, 33; Ио. XIII, 2 **къложити**; Ио. VII, 44 **къзложи**; Ио. XV. 6 **къмѣтаѭть** в Остр., **къдагаѭтъ** Асс., Зогр., Мар.; Ио. XX, 25 **къложѫ**, там же 27 **къложи**. Зачастую βάλλω передается также глаголом **врѣшти — връгѫ** и **въврѣшти — къвръгѫ**. Вызывает восхищение тонкость языкового чутья переводчиков в передаче этого греч. глагола с общеизвестным значением. Например, когда речь идет о слове **ВПІО** греч. слово βάλλω передается словом **въликати** (Мф. IX, 17; Мрк. II, 22; Лук. V, 37, 38; Ио, XIII, 5; ср. Мф. XXVI, 2 **къзлѣѥѭши**) и там, где речь идет о заключении в тюрьму, переводчик употребляет глагол **въсадити** (Мф. XVIII, 30; Лук. XII, 58; XXIII. 25; Ио. III, 24). Весьма примечательно, что Лук. XIII, 8 греч. βάλλω κόπρια передано оригинальным славянским речением **осъпль гноемь** (в Срец. **посъпѫ**), ср. также Лук. XIV, 35 **осъплѥтъ сѧ** (вар. **исъплѭтъ**). Таким же образом Ио. XVIII метко **къньзи** во всех старших текстах, но в Сав. **къзврати**“ [1].

В другом месте читаем:

„**Исѧкнѫти** (ξηραίνομαι) Мрк. V, 29 в Мар., Зогр., Асс., Галч.; **исъхнѫти** в Юрьев, см. словарь Амфилохия, последнее, впрочем, является обыкновенным переводом, которое находится в старших текстах Мф. XIII, 6; XXI, 19; Ио. XV, 6 рядом **оусъхнѫти**, например, Мф. XXI, 20; Мрк. IV, 6; Лук. VIII, 6 **оусъше**; Мрк. XI, 20 **оусъхъшѫ**. Эта особенность характеризует тонкое языковое чутье переводчиков, которые в первом месте, где идет речь о кровотечении предпочитают слово **исѧкнѫти**, а не **исъхнѫти**“ (Entst. 353).

„В передаче греч. πηγή употребляются оба слова: Ио. IV, 6 **стоудєнєць**, **на стоудєньци** в Мар., Трнов; **кладѧзь**, **на кладѧзи** в Зогр.; πηγή передается еще словом **источьникъ** Мрк. V. 29, Ио. IV. 14. Причем можно констатировать тонкую разницу в употреблении этих слов. Так, можно говорить только **источьникъ кръве** и **источьникъ водъı**, но нельзя — **стоудєньць кръве** или **стоудєньць водъı**“ (Entst. 397—398).

Таким образом, Ягичем замечена исключительно характерная черта в деятельности первых переводчиков, которые одно и то же греческое слово на славянском передавали разными словами в зависимости от того, какое слово лучше и точнее соответствует оттенку значения переводимого слова.

[1] V. Jagić, Entstehungsgeschiche der kirchenslavischen Sprache, Berlin, 1913, стр. 333. Дальнейшие ссылки на этот труд Ягича в тексте в конце цитат сокращенно „Entst.“, затем цифра, указывающая стр.

Заметив эту характерную особенность в деятельности первых славянских переводчиков, Ягич однако не продолжил поиски в этом направлении. В основном весь его исследовательский опыт был направлен на то, чтобы в наличных синонимах или лексических парах, передающих одно и то же греческое слово, найти то слово, которое употребляли первые переводчики. При этом остается неразъясненным, почему, например, **миса** обязательно следует считать первичным, то есть употребленным первыми переводчиками, а **блюдо** — вторичным словом, то есть употребленным поздними переписчиками взамен первичного. Также: почему **година, искони, искрь, ѣдро** — первичные слова, а **часъ, испрька близъ, скоро** — вторичные слова?

В целом следует считать правильным приемы установления лексических вариантов Ягича, что и позволило ему выявить большой список первичных и вторичных слов в списках евангелий, псалтыри, Апостола и Апокалипсиса, разделив их на три группы: 1) „Варианты лексики. Отступления при производстве от одного и того же корня" (Entst. 281 и сл.) — 2) „Непереведенные выражения и их заменители" (там же, 299 и сл.) — 3) „Варианты лексики. III. Отклоняющиеся слова и выражения при передаче одного и того же греческого слова" (там же, 321 и сл.). Однако при этом создается впечатление, что поздние переписчики обходились с текстами церковных книг весьма вольно, по своему усмотрению внося в них свои слова взамен тех, которые были в первичном переводе.

Такой подход к разрешению проблемы первичных и вторичных слов вызывает сомнения не только потому, что переписчики не могли поступать вольно с текстами церковных книг, но еще и потому, что сам Ягич заметил, что в ряде случаев переводчики одно и то же слово переводили не механически, а согласно тому, как это должно звучать в том языке, на который делались переводы.

Поскольку наличие весьма тонкого языкового чутья у первых переводчиков бесспорно, то необходимы поиски в том направлении, не ошибся ли Ягич, признав, например, **година, искони, искрь** и т. д. за первичные, а **часъ, испрька, близъ** и т. п. — за вторичные слова.

В ряде случаев Ягич наличие первичных и вторичных слов устанавливает без учета данных всех памятников старославянской письменности старшего списка. Так, **безоумьнъ**, которое у него первичное, **несмыслѣнъ**, которое у него вторичное, устанавливается только по данным Апостола, списки которого не старше XIII в. В том же плане рассмотрены **благоличити** и **благовеличати, бѣлъ** и **серенъ, веселие** и **радость, видѣти** и **зьрѣти**, и прочие.

К недостаткам работы Ягича следует отнести и то, что за исключением весьма редких случаев, он не учитывает данные таких памятников, как Клоц. сб., Син. Трб., Супр. рук., Киев. лл. и некоторые другие. Нам кажется, что без учета всех основных памятников старославянской письменности старшего списка невозможно представить специфику лексики этого языка.

Ягич не обращает внимания на значения слов в контексте, вместо этого ограничивается констатацией того, в каких местах греч. слово передано различными словами. Нам кажется, что для решения такой важной проблемы, какую поставил перед собой Ягич, этого недостаточно.

Итак, хотя Ягич сделал очень много в деле изучения словообразовательных вариантов и вообще лексических вариантов — в этом его бесспорная заслуга, но интерпретация им материала заключает в себе, наряду с отдельными бесспорно правильными местами, и спорные и неясные положения. Труды Ягича признаются образцовыми, на которые ссылаются как на непреложно решенный факт.

Так, П. А. Лавров, отражая общее установившееся мнение, писал: „Чрезвычайно важное значение получает та часть его книги, (то есть Entstehungsgeschiehte... — А. Л.), в которой он дает разбор перевода св. писания. Во 2-м издании оно занимает почти половину всей книги, по его словам, представляет не только распространение объема материалов, но и углубление в самую суть вопроса. Лексические варианты распределяются на три группы... Эта часть, конечно, долго будет служить пособием всем, кто в будущем займется таким же анализом новых текстов. Они, разумеется, дадут возможность расширить материал, собранный Ягичем, как об этом мы можем судить по собственному опыту“ [1]. Труды В. Погорелова о редакциях псалтыри [2], И. Евсеева [3], А. Михайлова [4], И. Курца [5], К. Горалека [6] и других при анализе лексики исходят из выводов Ягича, порою не стараясь осмыс-

---

[1] П. А. Лавров, Кирилло-мефодиевские вопросы в трудах Ягича. — Известия ОРЯС, т. 28, СПб., 1924, стр. 384.

[2] В. Погорелов, Псалтыри. М., 1901. Его же: Толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе, Варшава, 1910.

[3] И. Евсеев, Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. МПб., 1897; Его же: Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе, М., 1905.

[4] А. В. Михайлов, Опыт изучения книги. Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, Варшава, 1912.

[5] J. Kurz, K. Zagrafskému evangeliu. — Slavia, R. XI, s. 3—4. Praha, 1932.

[6] Karel Horálek, Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia, Praha, 1878. Evangeliáře a čtveroevangelia, Praha, 1954.

лить их критически. В связи с этим особое значение имеет проверка того, насколько верно то, что сделано Ягичем.

В 1900 г. А. И. Соболевский, анализируя некоторые памятники церковно-славянской письменности, пришел к выводу, что некоторые из них переведены на славянский язык в Моравии с латинского языка. Свое убеждение о месте перевода он основал на том, что в ряде памятников употребляются такие слова, которых нет в так называемых кирилло-мефодиевских переводах, а если даже они есть, то употребляются с другим значением. Эта группа слов, по мнению Соболевского, характерна для западно-славянских языков. В числе таких памятников, в частности, находятся „Беседы папы Григория римского на евангелие“ [1]. „Имеющиеся здесь многочисленные западнославянизмы (= моравизмы), — пишет Соболевский, — вполне разрешают нам вопрос о происхождении этого памятника, снабжают нас богатым материалом и дают ключ к пониманию и оценке данных древних переводов с латинского“.

„Богатый материал «Бесед», — продолжает Соболевский, — о котором мы упомянули, как данные других затронутых нами памятников, не принадлежат ни фонетике, ни морфологии... Материал, которому мы придаем значение, — словарь. Хотя переписчики касались и его, но, во-первых, далеко не все, а во-вторых, лишь в немногих особенных случаях. За редкими исключениями, словарь списка совсем или почти совсем не отличается от словаря оригинала. Поэтому только словарным материалом мы будем пользоваться“ [2].

Соболевский допускает, что фонетические явления, отраженные в том или ином памятнике, не являются убедительными при решении вопроса о народной основе языка церковных книг, так как при переписке они, фонетические явления, сознательно и без особого труда могли быть изменены. Тем самым Соболевский присоединяется к мнению М. Прохазки, Б. Копитара и других, утверждавших, что такие фонетические явления, как „з“ и „ц“ или „жд“ и „шт“, а также trat, trět и другие легко могли быть внесены при переписке памятников в западных и южных славянских землях. Так же могли быть внесены кое-какие коррективы в морфологию и даже лексику.

Тем не менее, по мнению Соболевского, лексика памятников могла остаться более устойчивой, потому что в том или ином славянском языке не ко всем словам текста могли быть подобраны слова — заменители.

---

[1] А. Соболевский, Церковнославянские тексты моравского происхождения. — Рус. Фил. Вестник, 1900, № 1—2, стр. 150 и сл.

[2] Там же, стр. 153—154.

Соболевский считает, что большая часть лексики „Бесед" — это слова, которые находятся в кирилло-мефодиевском переводе евангелий, апостола и псалтыри, как например: **алъканье**, **бесѣдовати**, **бисьръ**, **ближика** и т. п. Меньшая же часть лексики этого памятника, по Соболевскому, или совсем не встречается в вышеназванных переводах, или эти слова встречаются в них с другими значениями. К таким словам Соболевский относит: **варовати сѧ**, **варовьнъ**, чеш. varovati, varovný, **велѣти**, veleti, **власть**, vlastní; **вѣсть** — věsty; **вѣдѣние**, vědení; **гризѣ** hryz; **долѣ**, dole **законьникъ**, zakonnik; **изволити**, zvoliti, **казати**, kazati (говорить); **каание**, kaní; **ключьнъ**, kličny; **мальчькъ**, maliček; **молитвьница**, modlitebnice; **намѣстие** (наследство), namestek; **неча**, peče; **рачити**, račiti; **расрачати сѧ**, rozpračati se; **рѣчь**, чешской параллели Соболевский не находит, поэтому ссылается на польск. rzecz, **снага**, **снажьнъ**, snaha, snažny; **строусъ**, pstros, пол. strus (страус); **ѥдасуо**, ledaco, ledaktery (кое-как); **поневаже**, ponevadž; **тольвѣка**, kolvek.

Далее в статье говорится, что несколько глаголов имеет западнославянскую приставку **вы-**, срв.: **вълѣсти**, **вълазити**, **вьходити**, **вътнати** и т. п.

Мы познакомились с рукописью **сказании сто̀го григорьа папы града римьскаго** списка XIII в., хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром „Собрание Погодина № 70", и обнаружили слова, не приведенные Соболевским, но которые по праву могут быть отнесены к западнославянским, тем самым дополнить список Соболевского. К таким относятся: **шборити** 'разрушить', ср. старочеш. obořiti то же знач., **ѥдиною боурею. шблакы вьзмлатеть и землю потрасеть. поставъ много храмишь и шсновы шборить** (л. 46., строка 4—8). **Либѣвити** 'нежить', ср. чеш. libiti se нравиться, liby 'милый', 'любимый'; **тѣло свое либѣвить и гоухоти кго вьстагнетъ** (81б, 20—23). **Плъть свою либѣвать** (59в. 13). **Лакость** 'жадность', чеш. lakota то же значение: **иже бо не любъве ради. вѣчьныа жизни вь мыта лакостию сѣние вѣчьное людемъ проповѣдаеть** (116г 9—14). Может быть, сюда же следует отнести: **окрыпъ** 'сосуд', 'род миски', чеш. okřin 'миса', 'посудина', старопольск. okrzyn. **Постави шкринъ мѣданъ вь немъ же оумываахоу сѧ аронъ и сыне кго** (121а. 1—4). Это слово зафиксировано в Син. трб.: **мо надъ водоѫ стаго просвѣщениѣ. Глема вь окринѣ цркьвьнѣмь** (л. 6б, строки 3—5). Характерно, что в других славянских языках оно не встречается с начальным „О" и зафиксировано только в формах. krin, krinka, krinica. Часто встречается написание в рассматриваемой рукописи **пооустити**, ср. чеш. pouštěti, **маso**, чеш.

maso: и да ѥдать маса (142б. 5), заклѣнати, например: двьри кѣша заклѣненъı (164б. 18—19), ласкавьць, чеш. laskavec 'ласковый человек': продатель же wлѣ ласкавьци соуть (51б. 21—22), осирѣти, чеш. osiřaly, osiřěly 'ставший сиротою'; аще не къı бъıла wсирена (12в. 3—4) и т. п.

К группе памятников, которые переведены с латинского западнославянскими книжниками, Соболевский относит еще Никодимово евангелие, Киев. лл., а также оригинальные легенды о св. Вячеславе (Вацлаве) и нек. др.

Соболевский правильно заметил, что лексика „Бесед" и некоторых других памятников, по существующим данным, не согласуется с южнославянским словарем, поэтому он локализировал их на территории западных славян. Исследование М. Вайнгарта [1] подтвердило суждение Соболевского. Вайнгарт установил характерные черты языка в лексическом, фонетическом и морфологических отношениях западно-славянских переводов. Наблюдения над текстом житий Константина и Мефодия и других оригинальных и переводных памятников обнаружили характерные западнославянские черты не только в словаре, но и в словосочетаниях [2].

Плодотворные мысли и предложения А. И. Соболевского не получили дальнейшего развития в исследовании лексики памятников старославянской письменности. Так, В. Погорелов в своем исследовании о Саввиной книге приводит список, так называемых „западнославянизмов", вроде: прошж, неджгъ, животъ, кънидж, сънидж, желаж, къижтрь, двьрь и т. п., которые якобы как западнославянизмы заменены редактором Саввиной книги болгаризмами: молж, болѣзнь, жизнь и прочее [3]. На I-ом съезде славистов Погорелов в обоснование наличия западнославянизмов в лексике памятников старославянской письменности, конспективно повторив изложенные выше доводы Соболевского, привел такой список слов, которые должны считаться моравизмами: ашоуть, каръ, къните — сънити, вьсь миръ, година, горни, градьць, грозньıй, дрьколь, дрѣкле, ѥда, запокѣдати, исказити — прокженъ, исполинъ, мрѣзити, налѧцати, оскрѣдъ, отрокъ, палица, пастъıрь, приткоръ, просити, пѣнѧзь, спѣти, стоу-

---

[1] См. M. Weingart, Československý typ cirkevrej slovančiny, Bratislava, 1949.

[2] См. П. Лавров, Кирило та Методий в давньо-слов'янскому письменстві, Київ, 1928, стр. 91 и сл. J. Vašica, Jazyková povaha zakona sudného ljudem. — Slavia, R. XXVII, s. 4, Praha, 1958; а также нашу статью „Някои въпроси от кирилометодиевската проблематика", — Български език, год. X, кн. 4, София, 1960.

[3] См. В. Погорелов, Опыт изучения текста Саввиной книги. Sborník filosofické faculty University Komenského, R. V, Bratislava, 1927, стр. 77.

деньць, съньмъ, срѣтение, оусниѣнъ, оумѣти, хрьбетъ и, как говорит автор, еще „некоторые другие“ [1].

Автором не приведены доводы, убеждающие, что приведенный им список слов действительно является западнославянизмами. Кроме этого не показано, каким образом эти западнославянизмы могли оказаться в южнославянских переводах памятников старославянской письменности.

Некоторые основы для исследования данной проблемы дал В. Вондрак. Наблюдая над особенностями языка апракосов и тетров той части, которые не входили в апракосы, Вондрак пришел к выводу, что в последних появляются слова, отсутствовавшие в первых, например: боукъви, вместо къниги, ладии вм. корабль, отъпоустити (грѣхъ) вм. оставити, отъпоуштеница вм. потъвѣга или подъвѣга, подъпѣга; пира вм. мошьна и т. п. Эти и другие данные дали основание Вондраку для вывода, что так называемые комплекторные части тетра переведены лицами, не участвовавшими в переводе апракоса. В Моравии слили воедино оба перевода, не согласовав их, поэтому-то в евангелиях появились двоякие выражения. Еще позже, по мнению Вондрака, работа над текстами евангелий вылилась в то, что дословно сближало их с каноническими греческими текстами. В связи с этим первоначальный более или менее вольный, или сделанный по смыслу перевод кое-где даже потерял и смысл [2].

Механическое слияние апракоса с так называемыми комплекторными частями тетра при составлении последних подтверждается и последующими исследованиями [3].

Все это дает основание для поисков причин, которые должны объяснить, почему в комплекторных частях тетра появляются другие слова и выражения. Поскольку тетра дошли до нас в глаголических списках с теми же архаическими чертами языка, что и глаголические апракосы, возможно a priori считать бесспорным, что тетра составлены в Моравии, где особых изменений, например, в морфологию не вносили. Деятельность славянских просветителей в Моравии в основном под руководством Мефодия, продолжалась почти четверть века. За это время ими была подготовлена целая плеяда священнослужителей из местного населения, среди них, надо полагать и таких, которые были способны зани-

---

[1] См. В. Погорелов, Западно-славянские элементы в кирилло-мефодиевской лексике. — Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, svazek II, Praha, 1932, стр. 667.

[2] V. Vondrák, O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých častech a jak se nám zachoval v hlavnejších rukopisech. — Даничићев зборник, Београд — Љубљана, 1925, стр. 9 и сл.

[3] См. J. Vrana, O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. — Slavia, R. XXXIX, s. 4, стр. 552 и сл.

маться переводческой деятельностью. На основе изучения всех доступных материалов должно попытаться ответить на вопрос: не приспособляли ли переводчики и редакторы Моравии язык церковных книг в какой-то степени к местной речи? Проблема западнославянизмов в языке памятников старославянской письменности так или иначе должна быть разрешена.

Б. Цонев в работе „Къи новобългарски говори стоят найблизу до старобългарски в лексикално отношение" пытается доказать, что лексика памятников старославянской письменности согласуется с лексикой рупско-родопских говоров болгарского языка. С этой целью около 250 слов, выбранных не из так называемых классических памятников старославянской письменности, а из труда Миклошича Lexicon palaeoslovenico—graeco—latinum, он сопоставляет с данными указанных говоров [1].

С. Кульбакин в работе „О речничкој страни старословенског језика" справедливо указал на неубедительность исследования Цонева. Правда, сам Кульбакин, поставивший целью доказать, что по лексическим данным говор македонских славян был наиблизким сербо-хорватской и словенской группе языков, не смог выполнить задачи вполне убедительно. Кроме всего прочего вызывает сомнение достаточная научная объективность исследования Кульбакина. Он ограничился перечислением более 700 слов, не подвергая их анализу в контексте, а так же в связи с данными живых славянских языков [2].

В частности, об общеславянском словарном фонде старославянского языка, поднятом С. Кульбакином в названной работе, почти за 50 лет до него писал А. С. Будилович [3]. Автор „О речничкој страни"... почему-то не воспользовался данными труда Будиловича.

Хотя А. Мейе причислил лексику старославянского языка к диалектной [4], но вместе с тем, признал, что разница между лексикой старославянского языка и лексикой остальных славянских языков не очень велика. Наши наблюдения подтверждают последнюю мысль Мейе [5].

[1] См. Списание на българската Академия на науките, кн. XI, № 7, София, 1915, стр. 1 и сл. Упомянутая работа позже перепечатана с незначительными изменениями в книге: Б. Цонев, История на български език, т. 1, София, 1919, стр. 89 и сл.

[2] См. Глас Српске краљевске Академије, CXXXVIII, други разред, 73, Београд, 1930, стр. 87 и сл.

[3] См. А. Будилович, Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикологии, ч. 1, Киев, 1878.

[4] См. А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 395.

[5] См. нашу статью „Из наблюдений над лексикой старославянских памятников". — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. IX, М., 1954, стр. 139 и сл.

Однако наличие значительного количества лексических вариантов в памятниках, передающих одно и то же греческое слово, надо полагать, в какой-то степени объясняется приспособлением текста церковных книг к языку той славянской страны, где так или иначе проводилась переводческая и редакторская работа. К таким странам прежде всего, по имеющимся данным, относятся Моравия и восточная Болгария. Указанная работа несомненно нарушила текст первоначального перевода. Таково убеждение почти всех исследователей. Это убеждение и привело к мысли о необходимости реконструировать текст первоначального перевода прежде всего евангелий и псалтыри. Первый съезд славистов в Праге в 1929 г. вынес решение на основе известных рукописей создать реконструированный текст старославянских евангелий [1]. Выполнять это решение стал И. Вайс [2]. Работа Вайса никого не удолетворила, да и едва ли могла удолетворить, так как она проведена при условиях недостаточного изучения текстов памятников старославянской письменности. Общеизвестно, что мы не имеем вполне удовлетворительного исследования лексики, не говоря о том, что отсутствует анализ синтаксиса да и вообще сравнительно-историческое изучение славянских текстов памятников между собой, а также в сопоставлении с данными греческих текстов.

Положительной стороной работы Вайса по реконструкции текста евангелий явилось все же то, что она вызвала ряд новых исследований. К ним, пожалуй, прежде всего относятся работы К. Горалека [3]. В своих исследованиях Горалек проделал большую работу по сличению отдельных списков славянских евангелий, а также их отношение к греческим или латинским текстам. Оказалось, например, что Сав. по лексическому составу и синтаксическим особенностям ближе к Зогр. и Мар., чем Асс. и Остр. Обращено внимание на расхождение апракосов от тетр и т. д. При этом Горалек пришел к выводу, что „носителем динамического развития ст.-сл. перевода были апракосы, притом прежде всего со стороны языка“ [4]. И это понятно, что они были более необходимы в церковной службе, их требовалось больше, чем тетр, кроме того, по всей видимости их больше всего

---

[1] См. J. Vajs, K charakteristice nejstarších evang. rukopisů staroslověnských. — Byzantinoslavica, R. V, Praha, 1933 — 1934, стр. 113 и сл.

[2] См. Evangelium sv. Matouše, Praha, 1935; Evangelium sv. Marka, Praha, 1935; Evangelium sv. Lukáše, Praha, 1936; Evangelium sv. Jana, 1936.

[3] См. K. Horálek, Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia, Praha, 1918. Его же: Evangeliáře a čtveroevangelia, Praha, 1954.

[4] K. Horálek, Evangeliáře a čtveroev., стр. 282.

старались сделать понятными тому населению, среди которого проводилась служба.

Изучение лексических вариантов не должно сводиться только к разысканиям „первичных" и „вторичных" слов на основе внешних сопоставлений памятников, а оно должно объяснять любой вариант на основе глубокого и всестороннего изучения текстов. Поэтому прав А. Достал, констатируя: „Точно утверждать, что то или иное слово сохранилось в старославянских памятниках, трудно — для этого пришлось бы подробно исследовать все памятники и разобраться в неясных местах текста: еще труднее безоговорочно утверждать, что то или иное слово не входило в состав старославянского языка" [1].

В нашей работе ставится задача разобраться во всех возможных деталях появления части лексических вариантов в памятниках старославянской письменности старших списков. В ней привлечены для анализа 7 списков евангелий, апракосы: Ассеманово (Асс.), Остромирово (Остр.), Саввино (Сав.), Архангельское (Арх.), Врачанское (Врач.), тетры: Мариинское (Мар.) и Зографское (Зогр.); Синайская псалтырь (Син. пс.), Синайский требник (Син. трб.), Клоцов сборник (Клоц. сб.), Киевские листы (Киев. лл.), Супрасльская рукопись (Супр. рук.) и некоторые другие [2].

Подверглись анализу следующие лексические варианты и связанные с ним производные и другие: ашють — спѣти — тоуне, балии — краѹь, близъ — искрь, блюдо — миса, братръ — братъ, власть — область, къдѣти — въложити, къдати сѧ — погрѫжати сѧ, къслѣпати — къходити, гостиньница — господа, гоумьно — токъ, гѫгъникъ — нѣмъ, дрьколь — жрьдь, етеръ — нѣкыи, жаль — гробиште, женихъ — невѣстьникъ, животъ — жизнь, заклеѫти — заклюѹити, земьнъ, небесьнъ — земьскъ, небесьскъ, искони — испрьва, истина — рѣснота, кладязь — стоуденьць, коуръ — кокотъ, кънигы — боукъви — писма, кънигъѹии — кънижьникъ, ложе — одръ, моудити — къснѣти, мъито — мьзда, натроути — напитѣти, не къ радоу — некрѣдоу, неприѣзнь — лжькакыи, осѣсти — окроѹити, отокъ — островъ, пастырь — пастоухъ, потьвѣга — поуштеница, понѣвица — плаштѣница, продати — кѣнити, прѣпрѫдь — багърѣница, сапогъ — ѹрѣвии — оноушта, свирати — пискати, скоро — ѩдро, съньмъ — съборъ, распѧти — пропѧти, тьлѣ — моль, тьма — несъкѣда, оупѣкати — надѣати сѧ, храмъ — домъ, ѹасъ — година, ѹрѣждение — пиръ, шюи — лѣкыи, жтроба — ѹрѣко.

[1] А. Достал, Вопросы изучения словарного состава старославянского языка. — Вопросы языкознания, 1960, № 6, стр. 3.

[2] В скобках приводятся сокращенные названия памятников, использованных в работе, а также в автореферате.

Далее излагаются те выводы и заключения, к которым пришел автор в результате разысканий.

* * *

Наличие большого количества лексических вариантов, отличающих одни рукописи старославянской письменности от других, является свидетельством того, что текст первичного перевода позже подвергался сознательным изменениям. Приписывать эти изменения писцам, или переписчикам рукописей, как полагали многие, едва ли возможно, так как если писец и был достаточно эрудированным в вопросах текстов церковных книг и их отношении к греческому или латинскому оригиналу, то и в этом случае он не мог внести изменения в существующие славянские тексты, не согласовав вопроса с церковной иерархией. В противном случае такой писец оказался бы лицом, вносящим произвол в наличные и принятые в данной стране или местности тексты для церковной службы. Этого допускать не могли. Отнюдь не является случайным многочисленные послесловия в рукописях, в которых писец просит не клясть его за невольные ошибки, но исправив их, пользоваться книгой, переписанной им. Как можно судить на основании тех же послесловий, переписывание книги считалось делом священным и писец, удостоенный этой чести, принимался за дело, считая его особым подвигом. Труд писца, по всей видимости, нередко проходил под контролем, о чем мы можем судить на основании приписок-инструкций в различных рукописях. Ср., например, в Словах Григория Назианзина: **чьгъле крикы глако пиши прако** (л. 101 об. снизу)[1], по почерку отличающееся от почерка писца.

Таким образом, если мы желаем правильно понять историю старославянского языка, должны отказаться от взгляда, по которому писец сознательно мог включать в переписываемый им текст какие-либо изменения или замены одного слова другим, одного оборота речи другим. При этом все же не исключаются случаи, когда писец под влиянием своего говора независимо от собственной воли мог внести в начертание слов те или иные изменения, по существу являющиеся описками, ср., к примеру, написание **приджшл** в Зогр. Мрк. V, 15, свидетельствующее о том, что в языке писца не было простых аористов, поэтому он, правильно списав **придж**, добавил еще — **шл** по собственному выговору этого слова. Такие изменения не могут принять в той или иной рукописи,

[1] Цитируем по рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифров Q. II. I. № 16.

а2970.
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

так сказать, систематизированный характер. Но если, например, в Киев. лл. выдержанно передается dj > з, tj > ц, членные прилагательные пишутся в стяженной форме, без всяких исключений встречаются формы **небесьскъ**, **земльскъ**, и т. п. — то все это несомненно является показателем продуманных и вполне сознательно принятых передач определенных норм языка. Далее. Если в Супр. рук. за редким исключением не отражено произношение l — epentheticum, подобную черту написания, разумеется, не могли внести писцы по своему усмотрению. Таким образом писец Мар. не мог изменить всюду по своей инициативе написание **собота** вместо **сѫбота** в других рукописях, а писец Зогр., за исключением одного раза, в остальных 15 случаях писать **лакати**, **къзлакати** вместо **алъкати**, **къзалъкати**, как это наблюдаем во всех упомянутых апракосах и Мар. Тем более этот или иной писец не мог отважиться заменять одно слово другим, не рискуя понести за это суровое наказание. Поскольку словарные замены одинакового типа распространяются на целую группу рукописей, то подобные замены могут характеризоваться как тип определенной редакции текстов, принятых вполне сознательно церковной иерархией той или иной страны или края.

Старославянская письменность, по всей вероятности, возникла в середине IX в. в результате желания группы лиц перевести греческие церковные книги на язык одной славянской этнической группы, которым они владели. Где это происходило, точно мы не знаем, потому что, как показали наши наблюдения, свидетельства житий Константина (Кирилла) и Мефодия об изобретении Константином азбуки и начале перевода (по житию — **написанию**) им евангелия-апракоса в обоих житиях оказались поздней вставкой (интерполяцией) [1].

Перевод греческих церковных книг выполнен на какой-то весьма архаический южнославянский диалект, в котором строго различались редуцированные „ъ“ и „ь“, были три носовых гласных **ѧ**, **ѩ**, **ѫ**, три „и“: **и** **ꙇ**, **ѵ** [2], два „у“: **ѹ**, **ꙋ**, выдержанно произносился „губной + l'“ (из „губн. +j“), имелись особые звуки, передаваемые буквами **ѕ** и **ꙁ**, несомненно отличные от **ѳ** и **ѳ**; отсутствовало стяжение гласных, поэтому членные прилагательные и причастия сохра-

[1] Об этом см. нашу статью „Някои въпроси от Кирило-Методиевската проблематика“. — Български език, год. X, кн. 4, 1960, стр. 297 и сл.

[2] См. об этом: М. К. Грунський, Вступ до слов'янского мовознавства, 1946, стр. 62 и сл.; V. Tkadlčik, Trojí hlaholské *i* v Kyjevských listech. — Slavia, XXV, 2, 1956, стр. 200 и сл.

няли произношение: bely-jь, bela-jego, belu-jemu и т. д. В склонении имен в данном говоре несомненно еще были живы различия изменения по падежам в зависимости от основ; в нем отсутствовало особое слово для обозначения 3 л. личного местоимения[1]; притяжательные прилагательные типа: **отьчь**, **кънажь**, **человѣчь**, **авраамль** и т. п. — образовались с помощью суф. — jь, в числительных было живо слово **инъ**, которое в отдельных памятниках встречается не только в составе слов **иночадъ**, **инокость**, **иностань** и др., но и в самостоятельном употреблении. В глагольных основах были живы древние классы значений; выдержанно различались по образованию и употреблению простые, сигматические на — sъ (с удлиненным коренным гласным) аористы, при этом в отдельных образованиях имеются следы наличия окончаний аориста в 2 и 3 л.л. ед. ч. Для образования условно-сослагательного наклонения существовал особый вспомогательный глагол **бимь... бѫ**. Имперфект, являющийся особой формой прошедшего относительного времени, употреблялся только в нестяженной форме. Причастия прош. вр. от основ на -i образовались с помощью суф. — us типа: **хвалль**, **оучьсѧ**, **остакль**, **пристжпль** и т. п. Говор этот отличался собственными лексическими особенностями, в целом — богатым словарным составом[2]. Тем не менее в нем недоставало слов для передачи ряда христианских терминов, поэтому переводчики вынужденно включали в переводимые тексты греческие слова: **аминь**, **ангѣлъ**, **архиереи**, **архитриклинъ**, **класкнимѣ**, **гнокритъ**, **фарисѣи** и т. п. Наличие в нем таких слов, как **авръ**, **корабль**, **вгсъ**, **сѫвота** и т. п. свидетельствует о том, что носители этого диалекта жили где-то рядом с греческим населением. В переводе оказалось какое-то количество калек (сколько и какие они, пока в точности неизвестно).

Как свидетельствуют рукописи с чертами восточноболгарской редакции, диалект, на который переводились впервые церковные книги, сильно отличался от наречия восточной Болгарии. В подтверждение высказанной мысли достаточно сослаться на такие факты: самые ранние рукописи, написанные кириллицей или даже глаголицей, вероятно, до введения кириллицы, как Зогр., не отражают четкого различения редуцированных „ъ“ и „ь“, не свидетельствуют

[1] См. J. Kurz, K otázce nominativu zájmena třetí osoby v slovanštině. — Slavica pragensia, II, 1960, стр. 43 и сл.

[2] Ср.: „говор, на который опирался этот письменный язык, содержал в себе множество архаических черт, и, за исключением небольшого числа диалектных особенностей, язык этих текстов тождествен в значительной мере тому, чем был общеславянский язык, если бы он был зафиксирован в письменности“. — А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 7.

о наличии трех „и" и трех носовых гласных, более того, в них почти систематически путают употребление ѫ и ѧ, а также в них отсутствует выдержанное употребление l — epentheticum. В восточноболгарском наречии, если судить по данным Зогр., уже в X в. широко распространилось стяжение гласных. В этом наречии уже к началу X в. все формы архаических аористов заменились новообразованиями типа идохъ, несохъ, рекохъ и т. д.; уже в Зогр. фиксируется бишѧ (Мф. X, 16; XI, 21, 23, и т. п.), бѣшѧ (Лук. XIII, 2) на месте бѫ; в нем вышли из употребления причастия типа ѫвалѣ, пристѫпль и проч., ср. к примеру Мрк. X, 12: поустивъши (Зогр.) и поуштьщ (Мар.); Лук. XX, 12: оуѣзвикъше (Зогр.), оуѣзвьше (Мар.) и т. п. Старые типы склонений имен в зависимости от основы тут заметно сблизились и смешались, и мн. др.[1]. Если бы восточноболгарское наречие середины IX в. было идентичным с тем говором, на который впервые перевели церковные книги, то оно к X—XI вв. не могло изменить свой словарный состав в той степени, чтобы потребовалось большое количество слов заменять другими, как это наблюдается в рукописях восточноболгарской редакции, ср. замены: прѣпрѫдь на багрѣница, година на часъ, шюи на лѣвъи, сапогъ на оногуща, женихъ на зѧть и невѣстьникъ, искрьнии на ближьнии, ближьнии (в пространственном значении) на окрьстьныи, пастырь на пастоухъ, гоумьно на токъ, отокъ на островъ, къслѣнати на истѣкати и скабати, кълати сѧ на погрѫжати сѧ и клѧняти сѧ, етеръ на нѣкъи, заклеѫти на заключити, инъ на единъ (ср. иночадъ, единочадъ), тьма на несъкѣда, тьлѣ на моль, мыто на мьзда, мытарь на мьздоимьць, сѣньмъ на съборъ, ѣдро на скоро, кѣнити на цѣнити и продати, натроути на нашитѣти и нашитати, искати на скирати, сольць на скирьць, къниги на къльсти, подъгорие на горьницѫ и многие другие.

Словом, хотя между архаическим говором, на который переводились церковные книги, и восточноболгарским наре-

[1] Этот вопрос давно привлекает внимание исследователей, однако он до сих пор бесспорно не решен. Последние исследования показывают, что отдельные характерные черты современного болгарского языка обнаруживаются в памятниках старославянской письменности восточноболгарской редакции уже в XI—XII вв. Рассмотрение этого вопроса не может входить в задачу данной работы, но само собою напрашивается мысль, что без отделения того южнославянского весьма архаического диалекта от восточноболгарского наречия едва ли возможно понять многое в истории развития языка, в частности лексики памятников старославянской письменности. Обозрение литературы и состояние изучения этого вопроса см.: С. Б. Бернштейн, Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, М.—Л., 1948, стр. 357 и сл. К. Мирчев, Днешното състояние на поучиванията върху историата на българския език у нас. — Български език, год. VIII, кн. 4—5, 1958, стр. 409 и сл.

чием и имеются некоторые общие черты, вроде произношения жд <dj, шт <tj[1] ѣ как ä[2] отличающие, между прочим, их от древних сербо-хорватских диалектов, но в целом отождествление диалекта, на который переводились впервые греческие церковные книги, с восточноболгарским наречием едва ли правомочно[3]. Этот вопрос требует специальной проверки.

* * *

Наблюдения над лексическими вариантами, передающими одно и то же греческое слово, дают основание для суждения, в каких направлениях произведены изменения лексики первичного перевода в дошедших до нас редакциях памятников старославянской письменности. Возможно выделить следующие группы лексики, пережившие те или иные изменения.

1. Используя наличный словарный запас того диалекта, который знали первые переводчики и на который они переводили греческие церковные книги, одно и то же греческое слово в зависимости от лексико-семантических особенностей, а также специфики словоупотребления, того славянского диалекта, на который переводились церковные книги, передавалось двумя, порою и несколькими словами. К таким

---

[1] Ряд исследователей приходит к выводу, что в языке первоначального перевода на месте праславянских dj, tj/kt звучали не как жд и шт, а d', t'. Написания же жд <*dj и шт <*tj/kt появились только в восточной Болгарии в результате отражения местного произношения. — См. об этом N. Trubetzkoy, Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XIII, 1/2, Leipzig, 1936, S. 88 f. V. F. Mareš, Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce obdobi slovanské jazykové jednoty. — Slavia, R. XXV, S. 4, 1956, стр. 471 и сл. Его же: Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. Вопросы языкознания, 1961, № 2, стр. 12 и сл. K. Horálek, J. Kurz, A. Dostál, Základy staroslověnštiny, Praha, 1961, стр. 34 и сл., особенно примечание на стр. 50—51; M. Pavlović, Znak ꙗ i njegove glasovne vrednosti. — Slovo, 6—8, Zagreb, 1957, стр. 278 и сл., и др.

[2] Что касается произношения ѣ как ä, то оно в языке первичных переводов церковных книг могло быть характерной чертой древнейшего состояния и произношения этого звука в праславянском. Как показывают более ранние финские заимствования из восточнославянских, в последних ѣ в более древнее время также произносился как ä. — См. рецензию В. И. Лыткина на книгу В. Г. Орловой „История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров". — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, т. XX, вып. I, 1961, стр. 82 и сл.

[3] В отличие от моравской и восточноболгарской редакции памятников старославянской письменности, язык первичных переводов называют еще прастаро славянским, подчеркивая тем самым архаичность последнего. — Об этом см. В. Ф. Мареш, указ. статья в „Вопросах языкознания", 1961, № 2, стр. 13 и сл.

относятся, например, перевод греч. ὥρα словами **година** и **часъ**; βάλλω — **крѣшти** **кръгѫ**, **късадити**, **къла̀гати**, **къликати**, **осѣпати**; οἰκία, οἶκος — **домъ** и **храмъ**; ζωή — **животь**, **жизнь**, **житие**; ἀπ' ἀρχῆς, ἐν ἀρχῇ — **искони** и **испрьва**; πηγή — **кладѧзь** и **источьникъ**, τρέφω — **натроути** и **напитѣти**; ἐξουσία — **власть** и **область**, πορφύρα — **прѣпрѫдь** и **порфѷра**; πτωχός — **оубогъ** и **нищть**; δοχή — **чрѣѫдение** и **пиръ**; ταχύ, ταχέως — **ѣдро** и **скоро**; κοιλία — **чрѣво** и **ѫтроба**, πειρασμός — **искоушение** и **напасть**, и т. д.

К этой группе можно отнести также перевод отдельных греческих слов несколькими славянскими, но близкими по значению слов, например, таких, как перевод греч. πηγή **кладѧзь** (Ио. IV, 6), а φρέαρ — **стоудѣньць** (Ио. IV, 11—12; Лук. XIV, 5); χρονίζω — **къснѣти**, βραδύς — **моудьнъ**; ἐλπίζω и πέποιθα — то **оупѣвати**, то **надѣати сѧ**, и другие.

Эта группа синонимов претерпела сильные изменения. Так в Моравии при составлении тетра, а также, надо полагать, при редакционном пересмотре первичного перевода псалтыри из трех семантически различающихся слов **жизнь**, **животь** и **житие** исключили совсем первое, а третье в тетрах употребили в ином, новом значении, передавая им. греч. ὁ μαμωνᾶς. За этим произвели такое же изменение и в апракосах. То же сделано по отношению **искони** и **испрьва**. Последнее в тетрах исключено и взамен его почти всюду употреблено первое.

Подобного рода изменения продолжались позже в восточной Болгарии, где, например, совсем исключили слова: **натроути**, **прѣпрѫдь**, **ѣдро** и т. п., вместо **искони** стали употреблять **испрьва**, вм. **година** — **часъ**, вм. **чрѣво** — **ѫтроба** и т. д. Поскольку в последних случаях нередко оставались оба слова, то они перепутались в значениях и употреблении.

Восстановление всех подобных указанных синонимов, употребленных в первичном переводе, приблизили бы нас к тому, каким был первичный перевод в словарном отношении. Возможно, что и не удастся восстановить во всех деталях эту синонимику, но поскольку абсолютное большинство их так или иначе сохранилось, порою, правда, только в виде реликтов в отдельных рукописях не только в самых старших списках, но и в более поздних, то возможности продолжения разысканий в этой области не исключаются.

2. Пожалуй, В. Вондрак первый пытался объяснить отличия апракосных чтений от тетра тем, что не входившие в апракос части тетра переводились другими лицами. При этом он исходил из того факта, что апракос переведен Константином, а комплекторные части тетра, вероятно, Мефодием вместе с учениками. Это утверждение Вондрака едва ли соответствует действительности. Участие Константина в переводах, как отметили выше, сомнительно и требует еще

дополнительной проверки. Что касается Мефодия, то по утверждению его жития: пѣсалтѣрь бо бѣ тъкъмо и єванглиє съ апл҃ъмь и избьранъıими слоужбами цр҃ковънъıми съ философъмь пр҃ложилъ пьрьвѣє. тъгда же и номоканонъ, рекъше зконоу пракило, и очьскъıи книгы пр҃ложи (глава XV)[1]. До этого в этой же главе жития сообщается о переводе им в последние годы жизни всего старого завета. Правдоподобно то, что все доморавские переводы, а также переводы, произведенные в Моравии при жизни Мефодия, проводились при его участии и руководстве. Между тем факт остается фактом, что апракосы и тетра в словарном отношении отличаются, не говоря о других сторонах языка перевода.

К. Горалек, исследовав сравнительно апракосы и тетра, пришел к выводу, что в тетрах качество перевода лучше, в них чаще те или иные греческие слова и обороты речи переведены более свободно, по смыслу, а не в рабской зависимости от греческого оригинала. По этой причине он считает, что в тетрах до нас дошло высокое качество переводческой практики Константина[2]. В утверждении Горалека имеются спорные места. В частности, им совершенно не учитывается, что апракосы позже редактировались на основании текста тетра... Но что в процессе составления тетра в Моравии те его части, которые входили в апракос, не переводились заново, а существующий перевод целиком включили в отдельные места тетра, не подлежит сомнению. При этом даже отличные чтения начала отдельных глав апракоса от тетра часто оказались неисправленными[3]. Тем не менее, как убеждают наблюдения, при включении в состав тетра существовавшие его части в апракосах, были заново просмотрены и отредактированы. В этом не трудно убедиться при сличении того текста апракоса, который позже не подведен и отредактирован на основании текста тетра.

В подтверждение сказанного еще раз сошлемся на некоторые факты, приведенные выше в соответствующих главах. Так, в Асс. и Остр. Мрк. VII, 32 на месте греч. μογιλάλος читается нѣмъ, а в Сав., Арх. и Врач. и в тетрах — гѫгънивъ. Наблюдения убедили, что в первичном переводе было первое слово, которое при составлении тетра, исходя из контекста и раздрѣши сѧ жза ѩзка єго, слово нѣмъ заме-

[1] П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, Л., 1930, стр. 77. По-видимому, съ философъмь — поздняя вставка.

[2] См. Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 265 и сл.

[3] См. J. Vrana, O tipovima, redakcijama i međuosobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. — Slavia, XXIX, 4, стр. 559 и сл.

нено более точно согласующимся с приведенным контекстом гѫгънивъ. В более поздних списках, как в Карп. ев. оба слова поставили рядом нѣма гѫгънива, что привело к бессмыслице, так как немой не может быть гугнивым, т. е. заикой, картавым, гнусавым.

Ягич особенно недоумевал, что в Асс. и Сав. Мф. XXI, 42 на месте греч. ἀπεδοκίμασαν читается камень егоже не къ радоу сътвориша зиждѫштеи. Сь бъі къ главѫ ѫгълоу (Асс., в Сав.: не къ радъ), а в остальных некрѣдоу. Как показал анализ, греч. ἀποδοκιμάζω возможно переводить и не къ радоу... и некрѣдоу... Однако чтение не къ радоу вносит некоторую двусмысленность. По всей видимости, при составлении тетра первое чтение, введенное в первичный перевод апракоса, исправлено на точное некрѣдоу...

Мрк. II, 2 в Асс. читаем: авие. съвараша сѧ мнози. ѣко къ томоу не вълѣщати сѧ ни при двьрехъ, в Арх. не къмѣстити сѧ. ни прѣдь двьрми. В Зогр., Мар., Сав., Остр. и других вторая часть читается: ѣко къ томоу не къмѣштаахѫ сѧ ни прѣдъ двѣрьми, в греч. καὶ εὐθέως συνήχθησαν πολλοὶ ὥστε μηκέτι χωρεῖν μηδὲ τὰ πρὸς τὴν θύραν.

По мнению Горалека, в чтении типа Асс. произошла грецизация перевода[1]. С точки зрения выражения мысли по-славянски в Асс. наблюдается неточность, потому что при двьрехъ обозначает неопределенность места, лишь прѣдъ двьрьми ясно показывает, что в комнате и перед ее дверями не вмещался народ. Кроме того, не къмѣщати сѧ также не точно, поскольку здесь возможно понимать как неопределенно допустимое, ср., например, рус. *народу здесь не вместиться* и *народ не вмещался*.

Как известно, грецизация текстов старославянской письменности происходила в восточной Болгарии. Поскольку Асс. не имеет явных и систематически проведенных следов восточноболгарской редакции, то невозможно и тут в Мрк. II, 2 усмотреть эту редакцию. Кроме того, если сравнить текст Мрк. II, 1—12 Асс. и Зогр., Мар. и др., то следует констатировать, что при совпадении их все же в тетрах чувствуется улучшение содержания, ср. 4: и не могѫште пристѫпити къ немоу. народомъ (Асс., Сав., Врач.), за народъ (Зогр., Мар., Арх.) народа ради (Остр.). В первых употребление твор. причины несомненно более древняя черта в сравнении с передачей этой же мысли вин. с предлогом за или род. с предл. ради. Там же, 5: и кидѣвъ и҃съ вѣрѫ ихъ. гла ослабленоумоу (Асс.), и кидѣвъ же... (Зогр., Мар.). Употребление частицы же усиливает убежденность Иисуса. Далее, 6: бѣахѫ

[1] См. K. Horálek, Evangeliáře a čtveroev..., стр. 163.

же єтери ὁ кънижьникъ. сѣдѧщє и помъшлѣѭщє въ сръдцихъ своихъ (Асс.), в тетрах после слова отъ кънижьникъ добавлено ТОѴ, что уточняет их местонахождение.

Словом, приведенные и другие подобные факты совершенно ясно свидетельствуют о том, что в тетрах улучшен, уточнен или несколько изменен предыдущий перевод, поэтому не может быть сомнения, что в Асс. в большинстве случаев находится текст первичного перевода, а не позднейшее грецизированное чтение. Улучшенный текст тетра проник в такие апракосы, как Сав., Остр., Врач. и нек. др.

Кстати сказать, подобного рода редакторских поправок в сторону улучшений апракосных чтений в тетрах встречается не редко. При этом характерно то, что во многих случаях подведение текста апракоса к тексту тетра проводилось непоследовательно. Так, в Остр. Мрк. VII, 32 читается глоуха и нѣма, как и в Асс., но там же 33: къложи пръстъı своѭ къ оуши его, как в тетрах, а не къдѣ, как бы следовало ожидать исходя из Асс. и из данных южнославянских языков. В Арх. Мрк. II, 2: не къмѣстити сѧ (как в Асс., только в последнем не къмѣщати сѧ) ни прѣдь двьрьми (как в тетрах), а не: ни при двьрехъ (как в Асс.). Мрк. II, 4 в Асс., Сав. и Врач.: не могъште пристѫпити народомъ, тогда как остальной текст Мрк. II, 1—12 в Сав. и Врач. читается как в тетрах (Об этом же см. еще ниже при рассмотрении употребления слов искоушение и напасть. Кроме того, подобные примеры приводились и выше, см. главы дрѣколь — жрьдь, жалъ—гробиште и другие). Подобные факты можно объяснить только тем, что апракосы содержали отличный текст от тетра комплекторных частей тетра и что тексты апракосов позже, хотя порою и непоследовательно, но действительно подводились под тексты тетров.

Выявление всех подобных особенностей разночтений в одинаковых местах в апракосах и тетрах является другим способом восстановления текста первичного перевода апракоса, вместе с тем и выявления лексических особенностей того архаического южнославянского говора, на который переведен впервые апракос.

3. Кроме исправлений неточностей первичного перевода апракосного текста, при составлении тетра произведены другие лексические замены. В отдельных случаях в тетрах чувствуется (как это отметил в свое время Вондрак)[1] сознательное употребление другого слова вместо того, которое находилось в первичном переводе апракоса, или же изменение формы (состава) апракосного слова. Внимательный и сравнительный анализ текстов апракоса и тетра выявил, например,

[1] См. его статью: O cksl. překladu evangelia..., стр. 9 и сл.

следующие лексические разночтения: къдѣ (прѣстѣи своѭ къ оуши его (Асс.), къложи... (Мар., Зогр.). Первое и поныне соответствует способам передачи мысли на южных и восточных славянских языках, а второе — на западнославянских. Ср. далее соответственную разницу в чтениях апракосов и тетр (первое слово известно преимущественно апракосам, а второе тетрам): блюдо — миса, братъ — братръ, врачь — балии, етеръ — единъ, жалѣ — гробиште, жизнь — животъ, заткорити — заклепати, истина — рѣснота, коуръ — кокотъ, кънигъı — боукъви, кънигъчии — кънижьникъ, лжажѣ — кокошь, лжкавъıи — неприѣзнь, небесьнъ — небесьскъ, осѣсти — окрочити, оставити (грѣхъı) — отъпоустити и отъдати (грѣхъı), печатьлѣти — знаменати, подъръıти (храмъ, домъ) — подъкопати, посохъ — дрьколь, прѣжде — древле, прѣпржды — прапржды, распѧти — пропѧти, сапогъ — чрѣвии, цьсарьство — цьсарьствие, чловѣчь — чловѣчьскъ, шьдъı — кратъı (в словах типа дъвашьдъı — дъвакратъı), и т. п.

Еще раз подчеркнем, что слова, приведенные и не приведенные тут, как слова характерные для тетров, позже при сближении текстов тетра и апракоса проникли и в последние. Таким образом выделение слов, характерных только для тетра, в отдельных случаях требует так сказать, большого искусства и сноровки. При установлении слова, находившегося в первичном переводе апракоса, основной гарантией служит его наличие, хотя бы в виде реликтов в апракосах или в апракосных чтениях тетр, и в основном отсутствие его, так сказать, в чистом виде в комплекторных частях тетра.

Чтобы подкрепить сказанное, а также представить проблему более наглядно, помимо того, что говорилось о ней в соответствующих главах, сошлемся еще на один пример. На месте греч. πειρασμός в ев., пс. и др. памятниках читается то **искоушение**, то **напасть**. Поскольку первое слово встречается в Зогр. 1 раз, а в Мар. 2 раза: Лук. IV, 13 и XI, 4, а второе — 7 раз: Мф. VI, 13; XXVI, 41; Мрк. XIV, 38; Лук. VIII, 13; XXII, 28, 40, 46, то на основании этих данных Ягич делает вывод, что **искоушение** могло появиться поздно под влиянием соответствующего глагола или греческого слова. Слово **напасть** им признается оригинальным, а, стало быть, и первичным (см. Entst. 351—352).

К этому мнению присоединился В. Вондрак, ссылаясь на то, что **искоушение** находится только в текстах тетра, не входивших в апракосы[1]. При этом и Ягич, и Вондрак не принимают во внимание то, что в Асс. и Врач. Мф. VI, 13 в том же тексте, что и Лук. XI, 4 в Мар. и Зогр. читается **искоушение**.

---

[1] См. V. Vondrák, O cksl. překladu evangelia..., стр. 18.

Хотя в свое время Э. Бернекер констатировал наличие разницы в значениях между **искоушение** и **напасть**[1], но К. Горалек, придерживаясь мнений Ягича и Вондрака, считает, что чтение (**не въведи насъ**) **въ искоушение** в молитве „Отче наш" в Мф. VI, 13 в Асс. и Врач. бесспорно непервичным[2].

Таким образом установилось мнение, что по крайней мере, в текстах евангелий передача словом **искоушение** греч. πειρασμός является вторичным и что в первичном переводе апракоса вместо него находилось **напасть**.

Лук. IV, 13 в Мар. читается так: **І съконьчавъ въсѣко искоушение дїаволъ. отиде отъ него до врѣмене.** В апракосы не входило это место, в Зогр. оно отсутствует из-за утери листа. Если исходить из контекста Лук. IV, 1—13 в целом, несомненным оказывается то, что слово **искоушение** употреблено тут в значении 'соблазн', 'совращение'. В том же значении в ев. употреблены и глаголы, ср. Мф. XXII, 35—36: **законьникъ єтеръ. пріде къ ісоу искоушаѧ и гл҃ѧ. оучителю каѣ заповѣдь болыши въ законѣ єстъ** (Асс., в других также); Мф. XIX, 3: **пристѫпишѧ фарісеи къ иси. искоушающе и. и гл҃ще. аще достоитъ чкоу поустити женѫ своѭ по въсѣкои винѣ** (Асс., в др. также, в Зогр. текст сп. XII в. и без слов **по въсѣкои винѣ**). Мф. IV, 3 в апракосах сам дьявол назван **искоуситель**, ср.: **и пристѫпль искоуситель рече емоу. аще сн҃ъ єси бж҃ии. рьци да камене се хлѣви вждѫ** (Асс., в других апракосах также; в Зогр. уже вм. **искоуситель** находится **дїаволъ**, Мар. нет этого места). Все эти данные являются несомненными, что в апракосах **искоушение** находится в группе слов **искоушати, искоуситель** с одинаковой семантикой.

Слово же **напасть** употреблено в значении 'несчастье', 'беда', 'злополучие', ср. Лук. VIII, 13: **іже къ врѣмѧ вѣрѫ емлѭтъ. і къ врѣмѧ напасти остѫпаѭтъ** (Мар., в др. также, только в Сав. вместо **къ врѣмѧ** в обоих случаях читается **къ часѣ**); Мф. XXVI, 41: **бъдите и мте сѧ. да не вънидете въ напасть** (Асс. в др. также); Лук. XXII, 28: **въі же есте пребъівъшеи съ мъноѭ къ напастехъ моихъ** (Мар. и Зогр., в апракосы не входило это место). Так говорит Иисус своим ученикам перед тем, как его схватили архиерейские слуги. Конечно, речь идет тут о житейских напастях, т. е. бедах, злополучиях Иисуса, а не искушениях дьявола.

Итак, разница в значениях между **искоушение** и **напасть** несомненна, причем эта разница в значениях между этими

[1] См. E. Berneker, Kyrills übersetzungskunst. — Indogermanische Forschungen, Bd. 31, Berlin, 1912—1913, стр. 409.

[2] См. K. Horálek, Evangeliáře a čtveroevangelia, стр. 84.

словами наблюдается и в других памятниках, ср. например: по дьни искоушениѣ къ поустѣни. іже искоусиша мѧ оц҃і ваши (Син. пс. XCIV, 8—2). ѣко тобоѫ избавѣѫ сѧ отъ напасти: і б҃ѣ моемъ прѣлѣзѫ стѣнѫ (там же, XVII, 30).

В Асс. Мф. VI, 12—13 читается так: и остави намъ длъгы наша. ѣко и мъи оставлѣемъ длъжьникомъ нашимъ. и не вьведи насъ къ искоушение. нъ избави нъи ѿ лѫкавааго, также читается это место в Врач., но с заменой глаголов остави, оставлѣемъ на ѿпѹсти, ѿпоущаемь. В Сав., Остр., Арх. текст совпадает с Асс., но вместо къ искоушение в них читается къ напасть, вм. ѿ лѫкавааго — отъ неприѣзни. В Мар. и Зогр., в отличие от Асс., употреблены: отъпоусти, отъпоуштаемъ, къ напасть, отъ неприѣзни.

Лук. XI, 4 текст этой молитвы в Зогр. и Мар. читается с заменой слова длъгъі на грѣхъі, но со словами остави, оставлѣемъ, къ искоушение, но отъ неприѣзни. В Асс. и Врач. нет этого места: в первоначальный апракос оно не входило. В Сав. и Арх. текст такой же, что в Мар. и Зогр., но вм. къ искоушение находится къ напасть, в Остр. как в Сав., но вм. грѣхъі стоит длъгъі.

Таким образом в Мф. VI, 12—13 имеется 2 варианта текста молитвы „Отче наш“: один в Асс., другой в Зогр. и Мар. В других апракосах, а также в тетрах Лук. XI, 4 непоследовательно, по частям совмещаются оба варианта. В греч. интересующее нас место читается так: καὶ μὴ εἰσενέγκῃς ἡμας εἰς πειρασμόν. ἀλλὰ ῥῦσαι ἡμας ἀπὸ τοῦ πονηροῦ. Славянский перевод этого места калькированный, дословный. Наличие μὴ в первой части и ἀλλὰ — во второй части предложения позволяет толковать смысл предложения так: *„и не только..., но и...“*, т. е. „и не только не вводи нас в искушение (соблазн, совращение), но и избави от лукавого“, по типу: μὴ ὅτι ἰδιώτες τις, ἀλλὰ ὁ μέγας βασιλεύς. Говоря иначе, тут наблюдается, так сказать, постепенное возрастание просьбы (требования). Если же къ искоушение заменить на къ напасть в том значении, в каком употреблено последнее слово в приведенных выше примерах, то тем самым нарушится указанная логическая стройность, так как *напасть*, т. е. ‘беда’, ‘несчастье’, ‘злополучие’ не есть *искушение* (соблазн, совращение). В этом случае на месте греч. ἀλλὰ следовало бы пожалуй ожидать употребление вторичного καί, т. е. в смысле *„и не вводи нас в напасть и избави нас от лукавого“*.

Сказанное приводит к заключению, что в первичном переводе молитвы „Отче наш“ не могло быть слова напасть, поскольку весь смысл греч. текста требует тут слова искоушение, строго отличавшегося в первичном переводе по значению от слова напасть. **Искоушение** несомненно южнославянское слово с характерной для него приставкой из-; оно

образовано, так же как и **избавление**, **изволение**, **изгънание**, **измѣнение**, **исплънение**, **исправление** и т. п., присоединением — **ие** к основе причастия. По образованию близки к нему чеш. zkoušený, словц. skúsený, но они известны только в значениях ‘испытанный’, ‘испробованный’, в тех же только значениях употребляются в них и глаголы, ср. чеш. zkusiti, словц. skúsit. Глагол **искоусити** в ев. встречается и в этом значении, ср. Лук. XIV, 19: **и дроугъı рєчє емоу. сѫрѫгъ коловъıницѣхъ коушихъ имѣть. и грѣдѫ искоуситъ ихъ** (Acc., также в Мар. и Зогр., в Сав. вместо **грѣдѫ** стоит **идѫ**, вм. **искоуситъ — искоушатъ**; в Остр. вм. **грѣдѫ** читается **хощѫ**; в Арх. как в Асс., но супин заменен инфинитивом).

Значение **искоусити** ‘испытать’, ‘испробовать’ является первичным, а ‘соблазнять’, ‘совращать’ — вторичным. Последнее значение фиксируется только в памятниках старославянской письменности, откуда оно вошло в рус. и болг., возможно, что пол. skusić на ряду pokusić — из восточнославянских языков. Не исключено, что ст.-сл. **искоусити**, **искоушение**, **искоуситель** в значениях ‘соблазнять’, ‘совращать’ — кальки.

В целом, не может быть сомнения в том, что слово **искоушение** в переводе πειρασμός первичное, поскольку оно характерно именно только памятникам старославянской письменности и встречается в апракосах.

Слово **напасть** на место **искоушение** могли включить в Моравии, поскольку старочеш. nápast известно в значениях ‘западня’, ‘ловушка’, ‘приманка’ [1], т. е. в близких по семантике к ст.-сл. **искоушение**, а последнего же, как видели, чеш. и словц. не знали и не знают в значении ‘соблазн’, ‘совращение’.

Оставити так же южнославянское слово с характерным для него до сих пор значением ‘простить’, ‘прощать’. В этом значении чеш. и словц. языки и поныне употребляют odpouštěti, odpustit.

В целом не остается сомнения в том, что в первоначальном переводе строго различались по значению **искоушение** и **напасть**, поэтому последнее не могло употребляться вместо первого. В этом же переводе молитвы „Отче наш“ должны были быть **остави**, **оставлѣемъ**, которые в Моравии при составлении тетра заменили на **отпоусти**, **отъпоуштаемъ**, как и **къ искоушение** на **къ напасть**, **лжкакъıи** на **непрѣзнь**.

Как видели, апракосы и здесь, как и в других местах, подводились к текстам тетра непоследовательно.

---

[1] См. J. Gebauer, Slovník staročeský, dil II, Praha, 1914, стр. 479; Příručny slovník jazyka českého, III, Praha, 1938—1940, стр. 161; F. Trávníček, Slovník jazyka českého, Praha, 1952, стр. 988; V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 318.

Так представляется нам проблема **искоушение** и **напасть** на месте греч. πειρασμός, вытекающая из анализа фактов по существу.

Эти новые слова или старые же слова в другом значении или морфологическом оформлении, кроме того, находятся в памятниках чехоморавского перевода или оригинального происхождения после 885 г.[1], а также в Фрезингенских отрывках, западное происхождение которых несомненно. По указанным причинам в моравском происхождении указанных слов и форм едва ли возможно сомневаться, поскольку в большинстве случаев они подтверждаются данными западнославянских, в частности, чешского и словацкого языков. Все это можно объяснить только тем, что при переводе текста комплекторных частей тетра в лексическом отношении сознательно подведен к речи мораван. Эти новые слова, как могли не раз убеждаться, позже получили в той или иной степени распространение и в апракосах, псалтыри, апостоле и т. д. А этот факт возможно объяснить тем, что в Моравии не только производились переводы новых памятников, но вместе с тем проводился и редакционный пересмотр и старых переводов, выполненных где-то на юге, по всей видимости, на территории Византии, с целью, так сказать, унификации всех церковных книг по языку, в частности, в лексике.

Кстати, в псалтыри **жизнь**, **животъ** и **житие** передано одним словом **животъ**, которое в связи с этим стало весьма полисемичным. В нее включены слова **блнии** и **рѣснота** (в Син. пс.) и нек. др. моравизмы, но вместе с тем **лжькаѣти** в значении σπονηρός не заменено словом **непрѣзнь**, соответственно **небесьнъ — небеськъ**, **осѣсти — окрочити** и т. п. Изменение в псалтыри в цитате из Мф. XXI, 42 **не къ рѧдоу**, ἀποδοκιμάζω на **некрѣдоу** следует понимать, что редактирование ее в Моравии, по всей видимости, происходило после составления тетра, но как при этом остались в ней **лжькаѣти**, **небесьнъ**, **осѣсти** и т. п., не совсем ясно.

Примечательно, т. н. безымянная проповедь, не имеющая соответствующего греческого оригинала, находящаяся в Клоц. сб. (лл. 1б—3а), считается сочинением Мефодия, написанным и обращенным моравскому князю Святополку[2]. В этой проповеди находим **братра** (Клоц. сб. I, 81), **братрьѫ** (там же, 83) рядом с **братьѣ** (там же, 108), **отъ непрѣзни** (147), **цр̄ствіе бжіе** (117), **некѣжъствью** (151), **кладъчьствіе** (II, 15), **рачьшиж** (**имѣти**) — I, 143) и т. д., т. е. слова и формы характеризуемые как моравизмы. Вместе с тем в этом же сочинении находим слово **житие**: **зачинаемъ блаженое житие** (I, 64)

[1] См. M. Weingart, Československý typ cirkevnej slovančiny.
[2] См. Clozianus... edidit A. Dostál, Praha, 1960, стр. 127 и сл.

в старом значении, ѥтеръ (3 раза: I, 94; 149; 150), келье (I, 156), бесъкѣдѣтель (I, 72—73), (стѣ҃нѣ) книгъı (II, 6), а не боукъки или писаниѣ, т. е. слова, находящиеся в первичных переводах.

Если автором этой проповеди в самом деле является Мефодий, то все приведенное есть несомненный показатель того, что сам Мефодий усвоил моравизмы и пользовался ими. В этом случае допустимо, что в комплекторные части тетра моравизмы включены с его согласия, как архиепископа Моравии. Собственно другое предположение исключено, поскольку трудно представить, чтобы составление тетра проходило без участия и согласования с архиепископом[1].

Приспособление лексики памятников старославянской письменности к местной моравской речи шло, во-первых, путем изменения формы однокоренных слов; в связи с чем и появились такие образования слов, которые ошибочно были приняты за слова, включенные в первичные византийские переводы, как: братръ, небеськъ, книжьникъ и т. п., а также прапржды, пропати, цр҃ствие и др. Во-вторых, вместо многих, по-видимому, не известных мораванам слов, употреблены другие, как къложити вместо къдѣти, балии вместо врачь, єдинъ вм. ѥтеръ и т. д. (см. приведенный выше список). Некоторые из этих слов ныне неизвестны западнославянским языкам, в том числе чешскому и словацкому. В частности, балии не находит соответствия ни в старых памятниках письменности, ни в современных говорах чешского и словацкого языков. Это слово вышло из употребления, не оставив, так сказать, следов о себе. Такие явления наблюдаются. Например, в современных южнославянских языках отсутствует слово glagoliti, glagol, тогда как памятники старославянской письменности свидетельствуют о наличии их там в прошлом в значениях ‘говорить’, ‘слово’, ‘речь’. Эти слова возможно объяснять только на южнославянской почве, так как сохранившиеся в чеш. и словц. hlahol, hlaholiti до сих пор известны в древнейшем значении ‘звук’, ‘звон’, ‘звучать’, ‘звенеть’ (разбираемые слова с редуплицированным корнем от и.-е. звукоподражательного *ghal-). Говоря иначе, в западнославянских языках эти слова в своем значении не оторвались от звукоподражательной семантики. Как только в южнославянских языках govorъ, govoriti (от звукоподражательного же корня *gou- ‘крик’, ‘зов’) приобрели значение ‘речь’,

[1] Следует отметить, что законъ сѫдьнъıи людемъ признается переводом Мефодия, и в этом памятнике И. Вашица обнаружил ряд моравизмов.— См. J. Vašica, Jazyková povaha Zakona sudného ljudem. — Slavia, R. XXVII, s. 4. Думается, что нет ничего удивительного в том, что Мефодий за период не менее 20 летнего пребывания в Моравии мог хорошо усвоить местную речь.

'говорить', то glagolъ и glagoliti бесследно были вытеснены первыми из речи всех южных славян. Таким же образом, надо полагать, в западнославянских языках древнее balijь бесследно вытеснено словом lěkarь, ср. чеш. lékař, словц. lekár.

Итак, изучение лексических вариантов памятников старославянской письменности свидетельствует о том, что в Моравии происходило сознательное изменение лексики славянских церковных книг. Надо полагать, этот процесс в какой-то степени коснулся и грамматики, но язык памятников старославянской письменности в этом плане не изучался. Правда, по отношению к памятникам чехоморавского происхождения после 885 г. такая работа проделана в посмертно изданном Я. Станиславом, не завершенном до конца труде М. Вайнгарта Československý typ cirkevnej slovančiny.

Достойно внимания то, что внесенная из речи мораван лексика в фонетическом отношении приспособлялась к южнославянской фонетической системе. Так, несомненно, что в первичном переводе греч. πλοῖον всюду и выдержанно передавалось словом **корабль**, πλοιάριον — **корабиць**. Такие апракосы, как Асс., Сав., Остр., Арх., Врач. не знают другого слова на месте указанных греч. πλοῖον, πλοιάριον. В Мар. и Зогр. Мрк. I, 19, 20, III, 9, IV, 36, 37, V, 18 находим **ладии** и **ладиица**. Эти места в апракосы не входили. Ио. VI, 17 в Асс., Остр. и Врач. **къ корабль** (Сав. и Арх. нет этих мест), а в Зогр. и Мар. — **къ ладиіж** (в изд. Ягича в Зогр. здесь ошибочно **къ галиіж**, в рукописи же — Ѵ◌ѡ ѧ+ѻѳѳ).

Таким образом, в комплекторных частях тетра, переведенных в Моравии, непонятное для западных славян **корабль** заменено на **ладии**, притом I раз Мрк. I, 19 в Зогр. читается даже **къ ал'дии**. Кроме того, Ио. VI, 17 в тетрах опять находим замену **корабль** на **ладии**. При этом последнее слово не написано по западнославянскому звучанию lod-, а приспособлено к южнославянской фонетической системе lad-.

В. Ф. Мареш считает, что **недѣлꙗ цвѣтьнаꙗ** вошло в памятники старославянской письменности из речи мораван, но и это выражение звучит по-южнославянски, а не по-западнославянски květьna [1].

Приведенные факты действительно показывают, что первые переводчики нормой для старославянского языка признавали южнославянское фонетическое оформление слов, поэтому и моравизмы подводились под это звучание и обозначение на письме.

[1] См. F. V. Mareš, **недѣлꙗ цвѣтьнаꙗ**. . . — Slavia, XXV, 2, 1956, стр. 258—259, а также: K. Horálek, K otázce lexikálních bohemismů v staroslověnských památkách. — Slovanské studie. Vajsův sborník, Praha, 1948, стр. 115 и сл.

Для нас сейчас полностью не ясно, насколько и в каком объеме изменена лексика первоначальных переводов апракоса, псалтыри и апостола в Моравии, хотя сам факт такого изменения как будто не подлежит сомнению. Для выявления в основном всей лексики, внесенной в памятники старославянской письменности в Моравии, потребуется исследование всех лексических вариантов в памятниках старославянской письменности. Характерно однако, что в памятниках, перевод которых признается произведенным в Моравии, наряду со словами, введенными в Моравии, употребляются и те слова, взамен которых они были включены в церковные книги. Этот факт делает, например, лексику Син. трб. весьма пестрой по составу. Даже такой памятник, как Супр. рук. в своем лексическом составе, наряду с большим количеством восточноболгаризмов, содержит в каком-то количестве и моравизмы.

4. Надо полагать, что принесенные после 885 г. в Болгарию памятники старославянской письменности были моравской редакции. Ученики Константина и Мефодия, продолжая моравскую традицию, видимо, согласились подвергнуть принесенные книги новой, восточноболгарской редакции[1]. Ничем иным нельзя объяснить то, что такой глаголический памятник, как Зогр., несет в себе явные следы восточноболгарской редакции. Пожалуй, этот памятник можно назвать первичной восточноболгарской редакцией, еще не проведенной последовательно, проявившейся в лексике в основном спорадическими заменами одних слов другими, вроде употребления невыдержанно часъ вместо година, скоро вм. кадро, съборъ вм. съньмъ, подроугъ вм. искрьнии, пастоухъ вм. пастырь, лѣкъти вм. шюи, единочадъ вм. иночадъ, хоулениѥ вм. класфимиѣ (Мрк. VII, 22) кръуагомъ (Мрк. VII, 8) в Мар. уъканомъ (в апракосы не входило это место)[2]. Мьздоимьць вм. мытарь, ничьтоже вм. ничесоже (Лук. IV, 2) и нек. др. Надо полагать, по-видимому, в Зогр. не случайны такие чтения, как Мрк. X, 46: и исходящю ѥмоу къ ерихону, в Мар. отъ ерихона; Лук. XII, 26: чьто къ прочиихъ печете сѧ, в Мар. о прочиихъ...; Мф. IV, 13: вьсели сѧ къ капернаоумъ на

---

[1] Собственно об этом имеется и прямое свидетельство. Так, в пространном житии Климента Величского утверждается, что Климент, потрудившись в продолжение 7 лет, дал болгарам церковные книги „обработанные на болгарском языке". — См. Н. Л. Туницкий, Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия, Сергиев—Посад, 1918, вып. I, стр. 127.

[2] кръуагъ как тюркизм не мог войти в перевод комплекторных частей татра в Моравии. По этой причине это слово следует рассматривать как замену уъванъ в восточной Болгарии.

поморие[1]. В Мар., Асс., Сав., Остр.: къ поморие; Мрк. XIII, 28: отъ смоковьница же накъкнѣте притъчи, в Мар. притъчѫ; Лук. XI, 39: кънѣштьнѧѧ стъклѣница. І блюдомъ очиштаете, в Мар. кънѣштьнее стъкльници и мисѣ; Мрк. X, 12: жена поустивъши мѫжа си посагнетъ, в Мар. ... поуштьши мѫжа посагнетъ; Лук. XV, 16: і никътоже даше моу, в Мар. не дѣше емоу, и нек. др.

Внимательное изучение подобных разночтений, возможно, вскроет весьма важные данные, характеризующие состояние восточноболгарского наречия уже в X в.[2], не говоря о том, что по данным даже Зогр. ясно, что в нем не различались „ъ" и „ь", ѫ и ѧ, произошло стяжение гласных, выпал l-epentheticum и др.

Что касается глагольных форм, то нет сомнения, что например, в языке редактора и писца Зогр. отсутствовали простые и сигматические на — sъ аористы, причастия типа: поуштъ, оуѣзвль, хвалъ, и т. п.

Возможно, что Зогр. явится основанием для характеристики восточноболгарского наречия X—XI вв. в том же плане как и Остр. — для характеристики древнерусского языка. В связи с этим утверждение Ягича: „Между всеми до сих пор известными памятниками первое место занимает Зографское евангелие, подходя лучше всех к идеальному церковнославянскому языку...", что отступления от него других памятников следует признавать, как отступление от „вернейшего зеркала старославянского языка"[3], следует считать сильно преувеличенным. Кстати, против этого утверждения Ягича в свое время справедливые возражения высказал Н. К. Грунский[4].

По всей видимости, когда в Болгарии в Симеоновскую пору, была составлена и принята взамен глаголицы кириллица, то редакционная работа стала принимать более широкие размеры вплоть до изменения текстов моравской редакции или даже первичных переводов с целью дословной передачи греческих текстов. Эти и называет Вондрак погромом работы прежних переводчиков[5].

Как показывают проведенные наблюдения, лексика памятников старославянской письменности, принесенных в Бол-

---

[1] В рукописи предлог на дописан тем же почерком над словом. Это значит, что первоначально предлог был пропущен, потом при сверке писец дописал его так, как говорится в его речи.

[2] По-видимому, Зогр., как глаголический памятник, мог редактироваться в восточной Болгарии еще до массового введения там кириллицы взамен глаголицы, т. е. не позднее начала X в.

[3] И. В. Ягич, Маринское четвероевангелие, стр. 423.

[4] См. Н. К. Грунский, К Зографскому евангелию. — Сборник ОРЯС, т. XXXIII, № 3, 1907.

[5] См. V. Vondrák, O cksl. překladu evangelia..., стр. 27.

гарию после 885 г., значительно отличалась от лексики местной болгарской речи. Там оказались непонятными многие слова памятников, поэтому они заменялись другими, туземными. По этой причине вместо ашють и спѣти в памятниках и появились безоумлѧ и бездовь, слово тоуге стало употребляться реже (напр. в Супр. рук. оно встречается всего 2 раза) и нередко неправильно. дрѣколь здесь систематически заменяли словом жрѣдь. Если допустить, что в первичном апракосе греч. ξύλον и δορύ было переведено словом посохъ, о чем можно судить на основании данных ряда памятников (об этом см. еще ниже), почему же тогда в восточной Болгарии не восстановили это слово вместо предполагаемого западнославянского дрѣколь? Съвѣдѣтель, съвѣдѣтьствовати тут заменяли на послоушьство, послоушьствовати; вместо вѣнити писали вѣлѣсти; вм. клепити — знаменати, вм. кънигы в значении 'буква', 'знак письма' в восточной Болгарии широко вошло в употребление писмѧ — писмена, в значении 'проповедь', 'священное писание' — писаниѥ; класвилиѣ заменяли словом хоугла; чрѣжденіе — гоженіе; дѣръ — въздоухъ; жалѣ и гробиште — гровъ; иночѧдъ — единочѧдъ и многое другое (см. еще список, приведенный выше на стр. 20)[1].

Характерно еще то, что в памятниках старославянской письменности в восточноболгарской редакции во многом нарушено словоупотребление, которое наблюдается в тех же памятниках без явных черт этой редакции. В памятниках восточноболгарской редакции путают употребление слов: ложе и одръ, тети и бити, искони и испрѣка, жизнь и животъ, храмъ и домъ, власть и область, чрѣво и жтроба и т. д. Все это крайне затрудняет изучение лексических вариантов.

В восточной Болгарии не ограничилось дело только вытеснением западнославянизмов в лексике, как полагает В. Погорелов[2], этот процесс зашел далеко вглубь: тут исключены и заменены многие первичные слова, которые в моравских редакциях памятников старославянской письменности остались большей частью нетронутыми, вроде: прѣпрѫдь, шюи, тьма (μυριάς), съвѣдѣтельство, натроути, сапогъ, женихъ и т. п.

Все сказанное является свидетельством того, что восточноболгарская лексика заметно отличалась от лексики того южнославянского говора, на который были впервые переведены с греческого языка церковные книги. Полное выявление восточноболгарских лексических замен даст ценнейший

[1] См. также нашу статью „Особенности в лексиката на Остромировото евангелие". — Български език, год. VIII, кн. 3, София, 1958.

[2] См. Опыт изучения текста Саввиной книги, стр. 77.

материал для характеристики староболгарской лексики сравнительно с старославянской лексикой, понимая под последней словарный состав того южнославянского диалекта, на который были переведены впервые церковные книги в середине IX века.

* * *

Таковы основные изменения лексики, происшедшие в памятниках старославянской письменности в результате неоднократных редакционных правок, проведенных в Моравии и восточной Болгарии. При этом характерно то, что разные рукописи носят в себе следы различной степени редакционной правки, особенно это касается восточноболгарских редакций памятников. Так, как отметили, Зогр. носит явные следы восточноболгарской редакционной правки в виде изменений **бали** на **врачь** в комплекторных частях, то же **миса** на **блюдо**; **година** на **часъ**, **искрьнии** на **подроугъ**, **съньмъ** на **съборъ**, **шюи** на **лѣкъи**, **пискати** на **скирати**, последние не только в комплекторных частях. В сравнении с Зогр. в Сав. эти редакционные замены одних слов другими приняли более систематический характер, тут уже вместо **дрьколь** читаем **жрьдь**, вм. **етеръ — нѣкъи** и **единъ**, вм. **съкѣдѣтель — послоухъ** (Мф. XVIII, 16), вм. **гпокритъ — лицемѣръ**, вм. **въ ближьнмь градьцѣ** (Мар., Зогр., Асс.) — **къ окрьстьнмь вси**, вм. **пастырь — пастоухъ**, вм. **клекрѣть — подроугъ**, вм. **зълъ** (**плодъ**) — **прахнѣнъ** (Мф. XII, 33)[1], вм. **плодъ — агода** и т. д. Сравнивая Сав. с Остр., В. Погорелов пришел к выводу, что в последнем редакционная правка и изменения проведены еще более систематически[2].

Редакторы, по-видимому, по недосмотру в отдельных местах оставляли те или иные слова, которые в других заменяли новыми словами. Таким образом, например, в Асс., Мф. VI, 13 читается **w̃ лжкавааго**, но Ио. XVII, 15 **о̃ непрѣзни**; Мф. VI, 2 **гпокрiтi**, но там же, 5: **лiцемѣрi**; Ио. VI, 17: **къльзьше**, там же, 22: **къниджь**, 24 опять **къльзж** (во всех случаях: **къ корабль**); Ио. XXI, 15: **пасi агньцѧ**, там же, 17: **пасi̋ овцѧ**; Мф. XXII, 18: **разоумѣвъ же и̅с̅ лжкавествiѣ ихъ рече**, а Лук. V, 22: **разоумѣвъ же и̅с̅ помышленiѣ ихъ**; Мф. XXIV, 43: **не бi оставилъ подькопати хрaминъи своѧ**, то же Лук. XII, 39 (в тетрах тут: **подъкопати**), Мф. VI, 19

---

[1] Ф. Гривец считает, что **прахнѣнъ** в Сав. — моравизм. — См. Fran Grivec, Cyrillo—Methodiana. — Slovo, 6—8, Zagreb, 1957, стр. 27 и сл.

[2] См. В. Погорелов, Опыт изучения текста Сав. кн., стр. 115.

и 20 и в Асс. подкопаважтъ; Мрк. XV, 23: и даѣахѫ емоу пити. озмьрено кино; Мф. XXVII, 34: да емоу пити оцетъ съ злъчиѫ размѣшенъ. Таким образом, в Мф. XXIII, 37 в Асс. осталось лажѣ; Мф. VIII, 28 в Мар. и Арх. жаль (μνημεῖον), в Арх., Мрк. 1, 7 къзкѫзы вм. ремене в других памятниках, и т. п.

В результате всех подобных изменений в лексике одной и той же рукописи образовался разнобой, причем в одних рукописях в меньшей, а в других — большей степени. Кроме всего этого, как было показано в Введении, особенно апракосы нередко составлялись из разных рукописей, каждая часть которой имела характерные лексические и грамматические особенности.

Ярким примером в этом отношении является Арх., делящееся на 2 части не только по почеркам, но и по особенностям лексики, грамматики и т. д. [1]. Изучая особенности лексики Остр. мы натолкнулись на факты, когда повторяющиеся части текста одного и того же евангелиста в разных местах отличаются друг от друга по лексике и грамматике причем один из повторяющихся текстов по редакции отражает апракосное чтение, а другой — тетра [2]. То же, правда, в меньшем количестве наблюдается в Асс. Так, Ио. III, 22—23 находим бесспорные восточноболгаризмы и в лексике и грамматике, то же Мф. XII, 30—37 и некоторых других местах, тогда как в целом эта рукопись не свидетельствует о том, что она подверглась специальной правке в восточной Болгарии (наличие же в графике этой рукописи восточноболгарских особенностей не свидетельствует о редакции, и является отражением живой речи писца).

Все эти лексические замены несомненно разрушали единую, стройную диалектную основу словаря первичного перевода, тем самым язык рукописей становился сборным, порою искусственным. Тот же процесс пережила и грамматика. Теперь одна и та же рукопись стала носителем нескольких диалектных слов или особенностей языка вообще. Сошлемся на несколько примеров. Так, в Асс. находим первичное жизнь (Ио. VI, 40) и западнославянское животъ в остальных местах; лжкакъıи (первичное) и непрѣзнь (западнославянское), кънигъчии (Мф. XXIII, 34, первичное) и кънижьникъ (введенное в замен первого в Моравии), съньмъ (первичное всюду, за исключением восточноболгаризма съборъ (в календаре л. 118б, 23), кънигы (первичное всюду, за исключением

[1] Об этом подробнее см. М. А. Соколова, К истории русского языка в XI в. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. III, кн. I, 1930.

[2] Об этом в нашей статье „Особенности в лексиката на Остромировото евангелие". — Български език, год. VIII, кн. 3.

восточноболгаризма писание вм. книгы, = (Ио. XIX, 37), братъ (первичное) и 4 раза братръ (западнославянское) и т. д. В Сав. читается то єтеръ (первичное), то єдинъ (западнославянское), то нѣкыи (восточноболгарское); небесьнъ (первичное), небесьскъ (западнославянское); дрьколь (западнославянское), жрьдь (восточноболгарское); съпьмъ (первичное), съборъ (восточноболгарское); жизнь вѣчнаа (7 раз, первичное), живот вѣчьныи (западнослав., несколько раз) и т. д.

Если сравнить Асс. и Сав., то в последнем несомненно восточноболгаризмов больше и они, как бы сказать, выступают более систематично. Да и сам текст Сав. во многих местах сближен с тетрами, кроме того, в ней немало мест, свидетельствующих о рабском сближении текста с канонизированным греческим оригиналом.

Говоря иначе, одни тексты больше сохраняют первичные слова, другие — меньше. В одних памятниках, как Мар. или первая часть Арх. почти не ощущается наличие восточноболгаризмов, но зато в них, особенно в Мар., пожалуй, более отчетливо заметна струя западнославянизмов. Супр. рук. в лексике наряду с восточноболгаризмами имеет явные следы западнославянизмов, а также порою в ней отчетливо ощущается и первичная лексика.

Итак, смешанный характер лексики, особенно в разночтениях или употребление одних и тех же слов в разных значениях как пределах одного, так и в разных памятниках — несомненен. Истоки этой смешанности прежде всего следует искать в разнодиалектной среде: то ли это первичные слова, т. е. слова того южнославянского диалекта, на который перевели впервые церковные книги и которым переводчики владели; то ли это моравизмы, включенные, по-видимому, сначала в перевод комплекторных частей тетра, а затем в процессе редакционного пересмотра и в более ранние переводы; то ли это восточноболгаризмы, введенные после 885 г., точнее, видимо, — уже в X в., при новом редакционном пересмотре с целью сближения текста церковных книг к греческим канонизированным текстам, с одной стороны, и к живой болгарской речи — с другой.

Вопрос, проводилась ли редакционная правка принесенных рукописей из Болгарии на Русь, в этом плане не рассматривался. В самых старых списках евангелий, как Остр. и Арх., никакие словарные замены в смысле сознательного включения восточнославянских слов вместо южнославянских не выявляются, но вместе с тем текст их поступательно приспособлялся к древнерусскому произношению. В связи с этим у нас памятники старославянской письменности были включены как источники изучения исторической фонетики и

грамматики русского языка. Мысль Г. Воскресенского о русской редакции полных апракосов требует специальной проверки[1]. Весьма подробная рецензия М. Н. Сперанского на труды Воскресенского убеждает, что Воскресенский свои выводы должным образом не сумел обосновать[2]. К. Горалек заметил, что нередко в так называемых „русских редакциях", а также в богомильских текстах памятников старославянской письменности безусловные архаизмы в лексике подчас сохранились лучше, чем в подобных же памятниках восточноболгарских списков[3]. В частности, в Арх. находим **кладязь** на месте греч. πηγή (Ио. IV, 6), **жаль** на месте греч. μνημεῖον, **къзвжзы** на месте греч. ἱμας, **посохъ**, ξύλον-**онъсица**, σ'δεῖνα, которые признать за вторичные затруднительно. В самом деле, **кладязь** на месте πηγή, кроме Син. трб. (21а, 16). употребляют многие другие памятники (см. Miklosich, Lex., p. 268). Кроме того, оно по значению соответствует греч. πηγή. **къзвжзы** встречается и в Трнов. ев., никогда не бывшем на Руси. Поскольку **посохъ** широко употребительно в древнерусской письменности как название оружия (см. Срезн. Мат. II., 1252), можно подумать, что в Арх., Юрьев. ев. 1119 г., четвероев. 1144 г. и др. оно включено русскими грамотеями вместо **дрьколь** или **жрьдь**. Поскольку же **посохъ** в том же значении ξύλον находится в Патерике сп. XIV в. сербского списка, в Трнов. ев. болгарского списка и т. д. (Lex. 637), то вопрос о руссизме слова **посохъ** в восточноболгарских списках церковных книг само собою отпадает. Мф. XXVI, 18 в греч. читается σ'δὲ εἶπεν. Ὑπάγετε εἰς τὴν πόλιν πρὸς τὸν δεῖνα, καὶ εἴπατε αὐτῷ. в ст.-сл.: **онъ же рече. идѣте къ градъ къ онъсици** (Арх.), **къ дінѣ** (Асс.), **къ ѥдиномоу** (Остр.), **къ нѣкомоу** (Сав.), **къ ѥтероу** (Зогр., Мар., Врач.) **и рькѣте емоу**... Таким образом, во всех списках текст один и тот же, причем точно соответствующий греческому, за исключением передачи πρὸς τὸν δεῖνα. Как известно, Мф. XXVI идет речь о подготовке к пасхе. Иисус и посылает учеников в город, судя по греческому тексту, к какому-то, должно быть, ему известному, но не известному ученикам человеку, т. е. посылает „к такому-то". Это понятие несомненно точно передает славянское **къ онъсици** буквально: к тому-такому (далее, видимо, подразумеваются определенные признаки этого того-

---

[1] См. Г. Воскресенский, Характеристические черты четырех редакций славянского перевода ев. от Марка по 112 рукописям XI—XVI вв., М., 1896, стр. 33 и сл.

[2] См. Записки Импер. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. III, № 5, СПб., 1899.

[3] См. K. Horálek, Evangeliáře a čtveroev..., стр. 265 и сл.

такого)[1]. Слова къ єтєроу, греч. τις, єдиномоу и нѣкомоу указанного значения не передают. По всем данным при составлении тетра къ онѣсици заменено къ єтєроу, последнее в Моравии на къ єдиномоу, в восточной Болгарии къ нѣкомоу. Можно допустить, что къ онѣсици введено в восточной Болгарии, поскольку в западноболгарских говорах и доныне это слово употребительно. Но отсутствуют данные, убеждающие, что восточноболгарские редакторы были способны улучшить в данном месте текст прежнего перевода. Полагать, что в первичном переводе было къ динѣ, как полагал Ягич, означало бы, что первые переводчики греч. δεῖνα приняли за собственное имя. Подобное допущение едва ли возможно и обосновано.

К. Горалек пришел к выводу, что такие апракосы, как Асс. и Остр. сравнительно с тетрами Зогр. и Мар. более привязаны к греческому тексту. В Асс. и Остр., по его мнению, устранены разные характерные обороты, перифразы и сокращения, в них увеличилось число синтаксических калек. В Зогр. и Мар. больше свободного перевода. Горалек считает, что из апракосов в Сав. сохранилось больше всего от первичного перевода, поскольку этот памятник ближе к Зогр. и Мар. Действительно, как могли не раз убедиться, в Сав., в отличие от Асс. и Остр., больше совпадений текстов с Мар. и Зогр.[2], но зато в Сав. больше распространены моравизмы. Так, в ней в значительном количестве употребляется єдинъ вместо єтєръ, нєбєсьскъ вм. нєбєсьнъ, кратъı вм. шьдъı и т. п. Все это, по этим данным, следует истолковать так, что текст Сав. подвергался более или менее тщательному редакционному пересмотру в Моравии, в процессе чего редакторы могли ее текст большей частью точнее согласовать с принятой в Моравии редакцией тетров. В процессе редактирования в лексику Сав. и внесли западнославянизмы.

Горалек же делает другой вывод: первичный перевод-де сохранился в Зогр. и Мар.[3]. Такое заключение, по нашему мнению, не соответствует действительности. Вполне естественно, что в первичном переводе должно чувствоваться большая привязанность славянского текста к греческому оригиналу. Поскольку улучшение текста переводов в тетрах,

---

[1] Мрк. XIV, 13, собственно, названы эти признаки, ср.: идѣта къ градъ и срѣщетета къı ѹлкъ. къ скждьлиницѣ водж носѧ (в апракосы не входило это место), тоже Лук. XXII, 10: сѣ къшедъшема вама къ градъ. срѣщетѣтъ къı ѹлкъ. къ скждьлиницѣ водж носѧ (и это место не входило в апракосы).

[2] См. K. Horálek, Význam Savviny knigy pro rekonstrukci stsl. překladu evangelia, Praha, 1948.

[3] См. K. Horálek, Evangeliáře a čtveroev. . ., стр. 291 и сл.

как видели, не подлежит сомнению, то и вопрос должен решаться иначе, т. е., например, перевод Ио. IV, 6 πηγή не по смыслу, а дословно словом кладязь; δεῖνα словом онъсица, ἱμας — къзвязъı и т. д. может относиться к первичному переводу.

Представление, что Константин-философ, как высоко образованный человек, сразу мог дать лучший образец перевода, который позже только и знали, что портили, ни на чем серьезном не основано. Факты свидетельствуют об обратном: при составлении тетра прежний перевод апракоса исправляли в лучшую сторону. И это естественно. Кроме того, приспособление лексики прежних переводов к языку мораван — факт бесспорный, свидетельствующий о понимании переводческого дела и назначении его теми, кто работал на этом поприще в Моравии. Как указали выше, участие же в переводах Константина-философа проблематично.

Задача заключается, таким образом, в том, чтобы используя все возможности, привлекая большое количество памятников, выявить лексику первичных переводов, а также установить дальнейшие изменения этой лексики в Моравии и в восточной Болгарии. Это же касается и других сторон языка старославянских переводных памятников — фонетики, морфологии и синтаксиса..

В целом, было и остается ясным, что в дошедших до нас списках памятников старославянской письменности не сохранился тот оригинал, каким он вышел из рук первых переводчиков. В процессе последующих правок, редакционных сверок с греческим оригиналом различных редакций, а также изменений текста с целью приспособления языка памятников языку тех, среди которых проводилась церковная служба, дошедшие до нас старшие списки славянских церковных книг, восходящих, по-видимому, через несколько списков к первичным переводам, представляют результат неоднократных изменений лексики и грамматики. Этот факт обязывает рассматривать наличные памятники старославянской письменности не как единое целое по языку, а как тот или иной тип приспособления текста первичных переводов к местной речи мораван, болгар, русских и т. д. Об этом более 30 лет назад писал еще Н. Дурново[1]. Тем не менее исследование языка памятников старославянской письменности не приняло такое направление.

Говоря иначе, мы должны исходить из того положения, что для нас в целом лексика первичных переводов, отражающая живой словарь того весьма архаичного южнославянского

[1] См. Н. Дурново, Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, R. I, Rraha, 1929, стр. 47 и сл.

диалекта, является искомой величиной. Язык того диалекта, условно называемый старославянским, действительно уже для середины IX в. был старым, архаическим диалектом, и этот говор в основных чертах отражал состояние праславянского языка поздней поры. Кроме того, как нам представляется, этот диалект был славянским, но отнюдь не моравским и не болгарским середины IX века.

Существующие методы изучения лексических вариантов в памятниках старославянской письменности требуют улучшения и частичного пересмотра. Не только следует учитывать наличие лексических вариантов и констатировать их употребление в определенном кругу памятников, как это делается в основном до сих пор, но необходимо всесторонне изучать их в тексте, выявляя значение и роль в динамике, сравнивать их с данными живых славянских языков, учитывая исторические изменения этих данных, и т. д.[1]. Лишь такой всесторонний анализ предоставит те данные, на основании которых возможны соответствующие и обоснованные обобщения.

Даже такое всестороннее изучение лексических вариантов порою приводит к гипотетическим выводам. На первых порах, видимо, полезны и такие выводы, вызывающие спор и необходимость дальнейших разысканий.

* * *

Приведенные наблюдения требуют уточнения в употреблении терминов „первичная" и „вторичная" лексика. До сих пор под первичной понимали ту лексику, которая употреблена первыми переводчиками (под ними разумеют Константина и Мефодия с их помощниками). То, что внесено взамен этой лексики, именуется вторичной. В практике исследования употребление этих терминов вызывает затруднения. По всей видимости, апракосы, псалтырь и апостол переведены первыми переводчиками где-то на территории Византийской империи, притом едва ли в Константинополе[2]. Перевод

[1] Например, если исходить из данных словарей болгарского языка, в нем находим *мито*, *митар*, *митница*. Однако памятники старославянской письменности восточноболгарской редакции бесспорно свидетельствуют о том, что этих слов в восточноболгарском наречии X—XI вв. не было. По данным словарей чешского языка можно подумать, что слова pismeno и kniha в нем существуют издавна. Но данные Slovnik staročeský Гебауера, свидетельствуют, что в нем в прошлом значении „буква" употреблялось četna, а в значении „книга" — buk, bukev. Странная форма pismeno (видимо ед. ч. образовано от мн. pismena), по данным материалов старочешского словаря, в памятниках чешской письменности фиксируется только с XVIII в.

[2] Дело в том, что сличительное изучение Асс., Остр. исследователей приводило к выводу, что они отражают не греческий канонизированный текст, а близки к другим (александрийским) текстам. Вполне понятно, что в Константинополе переводчики не могли ориентироваться на негреческие неканонизированные тексты.

этих памятников, как отметили, выполнен на весьма архаический славяно-македонский диалект, в лексическом отношении во многом не совпадавший с восточноболгарским наречием.

Лексику упомянутых памятников в первоначальной редакции можно назвать первичной не в генетическом плане, а только в плане фиксации ее в письменности.

Однако лексику комплекторных частей тетра и других памятников, переведенных в Моравии, во многом совпадающую со словарем первоначально переведенных памятников, в то же время отличающуюся от них, нет оснований относить к вторичной. Эти памятники, по всей видимости, переводились при участии тех же лиц, которые переводили апракос, псалтырь и апостол, но в переводах новых памятников в Моравии могли участвовать и те лица, которые для этого дела были подготовлены миссионерами из туземцев Моравии. С помощью этих лиц в новых переводах вместо слов южнославянского диалекта, оказавшихся в первичном переводе, но непонятных мораванам, сознательно употреблялись местные слова, подводя их под южнославянское произношение. Подобные моравизмы по отношению памятников, переведенных в Моравии, несомненно являются первичными, потому что до этого времени в других переводах данные памятники не существовали.

Поскольку моравизмами заменялись слова того южнославянского диалекта, на язык которого были переведены апракос, псалтырь и апостол, то в последних памятниках новые слова, включенные взамен так называемых старых, южнославянских, едва ли удобно относить к первичной лексике. Эта лексика в смысле употребления их в указанных памятниках является уже вторичной.

Выходит, что в зависимости от характера памятников и их списков одни и те же слова приходится относить то к первичным, то к вторичным. Конкретно, в комплекторных частях тетра **братръ**, **дрьколь**, **небесьскъ**, **неприѣзнь**, **напасть** (последнее в значении „соблазн, искушение") и т. п. являются первичными, но в списках апракосов их уже следует относить к вторичным.

В восточноболгарской редакции в указанном же плане одни слова следует именовать вторичной, а другие даже третичной. Например: **съборъ** вм. **съньмъ**, **лѣвъхи** вм. **шюи**, **пастоухъ** вм. **пастырь** и т. д. являются вторичными, а **жрьдь** вм. **дрьколь** (если последнее вм. первичного **посохъ**) пришлось бы считать третичной. В памятниках письменности, переведенных впервые в восточной Болгарии, вся местная, восточноболгарская лексика является первичной, поскольку вместо них другая лексика в них не употреблялась.

Кроме того, термины „первичная“ и „вторичная“ лексика постоянно воспринимаются в плане генетическом, и в употреблении не в этом плане они теряют свое прямое и точное значение. Так, **животъ**, по всем данным, в генетическом плане старше формы слова **жизнь**, имевшего распространение только в южных и восточнославянских языках. В плане же изучения лексики памятников старославянской письменности **жизнь** приходится признавать первичным словом, например, в обороте речи **жизнь вѣчьнаѧ**, а **животъ** там же — вторичным.

В результате всего этого термины „первичная“ и „вторичная“ лексика теряют свою моносемантичность, что для научного термина недопустимо. По этой причине необходима замена их другими, более точно передающими то научное понятие, которое вкладывается в них. Как будто следует считать лучшим введение в употребление таких терминов, как: южномакедонизм, моравизм и восточноболгаризм.

Употребление этих новых терминов вместо „первичное слово“ и „вторичное слово“ выгодно прежде всего потому, что они, т. е. вновь предлагаемые термины, подчеркивают диалектный и географический характер слова и не увязываются с проблемой генезиса слова. При этом плане развития старославянской письменности и литературы под южномакедонизмами будет подразумеваться та лексика, которая употреблялась при первоначальном переводе апракоса, псалтыри и апостола. Эта лексика по происхождению может быть или общеславянской или только местной, принадлежавшей либо только тому архаическому диалекту, на который впервые переводились церковные книги, либо общей, например, для части южных и восточных славян. Конкретно, к последней, по-видимому, следует относить слова, типа **кладазь**, **лжакъıи**, **посохъ**, **сапогъ** и т. д. Эти слова неизвестны западнославянским языкам. Слово **опѣсица**, по имеющимся данным, преимущественно было известно только македонским славянским говорам.

Термин моравизм будет характеризовать ту местную западнославянскую лексику, которая была употребительна в местной моравской речи и вместо которой в южномакедонских говорах были известны другие лексические элементы. Конкретно в Моравии не знали и не употребляли слова **кладазь**, **лжакъıи**, **небесьнъıи**, **посохъ**, **сапогъ** и т. д. По этой причине, чтобы памятники стали понятными местному населению, переводчики и редакторы употребляли **стоудѣньць**, **неприѣзнь**, **небесьскъ**, **дрьколь**, и **чрѣкии** и прочее.

Восточноболгарское наречие по своему лексическому составу отличалось как от того архаического южномакедонского диалекта, на который впервые переведены церковные

книги, так и от моравского западнославянского диалекта, причем это отличие кажется было весьма ощутимым. Только этим можно объяснить бросающийся в глаза в памятниках старославянской письменности значительный слой более или менее легко выделяющейся восточноболгарской лексики.

Наконец употребление вновь предлагаемых терминов выгодно еще в том отношении, что они более явно показывают смешанный характер лексики памятников старославянской письменности, а также процесс превращения старославянского языка в общеславянский литературный язык.

Однако достоинство и недостатки вновь предлагаемых терминов взамен употреблявшихся до сих пор „первичное" и „вторичное" слово, их точность может быть проверена практикой дальнейших исследований.

* * *

Основная часть диссертации в объеме 15 авт. лл. опубликована в следующих статьях и очерках:

1. Старославянское натрудти — напитѣти. — Slavia, R. XXV, s. 2, Praha, 1956, стр. 241—249.

2. Из старославянската лексика. — Български език, год. VII, кн. 1, София, 1959, стр. 31—46.

3. Старославянское година — частъ. — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, вып. 25, М., 1958, стр. 45—54.

4. Старославянское ашютъ — спѣти — тогне. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. XII, М., 1959, стр. 50—70.

5. Из наблюдений над лексическими вариантами памятников старославянской письменности. — Slavia, R. XXVIII, s. 4, Praha, 1959, стр. 489—506.

6. Старославянское кънигы — боукъви. — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, вып. 28, М., 1960, стр. 61—69.

7. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. — Исследования по лексикологии и грамматике русского языка, М., 1961, стр. 45—131.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Для заметок

Для заметок

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Подписано к печати 31/V 1962 г. Тираж 200. Т-05863. Заказ № 662[а]

1-я типография АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., дом 12